

ISSN 1026-5627

Русский
орнитологический
журнал

2021
XXX

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
2116
EXPRESS-ISSUE

2021 № 2116

СОДЕРЖАНИЕ

- 4381-4392 Современный статус японского журавля *Grus japonensis* на Южных Курильских островах. Е. И. ИЛЬЯШЕНКО, А. А. КИСЛЕЙКО, Е. Е. КОЗЛОВСКИЙ, Е. В. ЛИННИК, К. МОМОЗЕ, Ю. МОМОЗЕ, В. Ю. ИЛЬЯШЕНКО
- 4393-4395 Залёт кумая *Gyps himalayensis* на озеро Жаланашколь в Джунгарских воротах. Н. Н. БЕРЕЗОВИКОВ, С. С. ШМЫГАЛЁВ
- 4395 Зимовка серого снегиря *Pyrrhula cineracea* в окрестностях Алма-Аты в 1953/54 году. Э. Ф. РОДИОНОВ
- 4396-4408 Летнее население морских птиц в тихоокеанских водах Камчатки и Курильских островов. В. П. ШУНТОВ
- 4409-4415 Кулики нижнего и среднего течения реки Полуй. И. Г. КОРОБИЦЫН, О. Ю. ТЮТЕНЬКОВ, А. С. ПАНИН, А. В. БАЗДЫРЕВ, Д. О. ЗАМЯТИН
- 4415-4418 Черноголовая чайка *Larus melanocephalus* в Среднем Поволжье. А. Н. МОСКВИЧЁВ
- 4418-4421 Эталоны природы Охотско-Колымского края. А. В. АНДРЕЕВ
- 4421-4422 Социальная организация и репродуктивное поведение индийской камышевки *Acrocephalus agricola*. П. В. КВАРТАЛЬНОВ, И. М. МАРОВА, В. В. ИВАНИЦКИЙ
- 4422-4423 Хищные птицы и совы юго-восточного побережья Байдарацкой губы (Южный Ямал). А. А. СОКОЛОВ
-

Редактор и издатель А. В. Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

2021 № 2116

CONTENTS

- 4381-4392 Current status of the red-crowned crane *Grus japonensis* in the South Kurile Islands. E. I. ILYASHENKO, A. A. KISLEIKO, E. E. KOZLOVSKY, E. V. LINNIK, K. MOMOSE, YU. MOMOSE, V. YU. ILYASHENKO
- 4393-4395 The record of vagrant Himalayan griffon vulture *Gyps himalayensis* on Lake Zhalanashkol in the Dzhungar Gate. N. N. BEREZOVNIKOV, S. S. SHMYGALEV
- 4395 Wintering of the Baikal bullfinch *Pyrrhula cineracea* in the vicinity of Almaty in 1953/54. E. F. RODIONOV
- 4396-4408 Summer population of sea birds in the Pacific waters around Kamchatka and the Kuril Islands. V. P. SHUNTOV
- 4409-4415 Waders of the lower and middle reaches of the Poluy river. I. G. KOROBITSYN, O. Y. TYUTENKOV, A. S. PANIN, A. V. BAZDYREV, D. O. ZAMYATIN
- 4415-4418 The Mediterranean gull *Larus melanocephalus* in the Middle Volga region. A. N. MOSKVICHEV
- 4418-4421 The nature standards of Okhotsk-Kolyma area. A. V. ANDREEV
- 4421-4422 Social organization and reproductive behaviour of the paddyfield warbler *Acrocephalus agricola*. P. V. KVARTALNOV, I. M. MAROVA, V. V. IVANITSKY
- 4422-4423 Birds of prey and owls of the southeastern coast of the Baydaratskaya Bay (South Yamal). A. A. SOKOLOV
-

A. V. Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St. Petersburg 199034 Russia

Современный статус японского журавля *Grus japonensis* на Южных Курильских островах

Е.И.Ильяшенко, А.А.Кислейко, Е.Е.Козловский,
Е.В.Линник, К.Момозе, Ю.Момозе, В.Ю.Ильяшенко

Елена Ивановна Ильяшенко. Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н.Северцова РАН;
Международная сеть по сохранению японского журавля. Москва, Россия.

E-mail: eilyashenko@savingcranes.org

Александр Александрович Кислейко, Евгений Евгеньевич Козловский, Елена Викторовна Линник,
Валентин Юрьевич Ильяшенко. Государственный природный заповедник «Курильский»,
Южно-Курильск, Сахалинская область, Россия

Юлия Момозе. Международная сеть по сохранению японского журавля

Куниказу Момозе. Red-crowned Crane Conservancy, Kushiro, Japan

Поступила в редакцию 27 сентября 2021

В XIX веке японские журавли *Grus japonensis* были многочисленными на острове Хоккайдо (Масатоми 1982) и обычными на юге Сахалина (Добротворский 1870; Мицуль 1873), хотя белых журавлей на Сахалине принимали за стерхов *Leucogeranus leucogeranus* (Никольский 1889; Нечаев 1991). С 1920-х годов все встречи японских журавлей на острове Монерон и юге Сахалина (Musterherhjelm 1921; Takahashi 1937; Гизенко 1955; Така-Тсуката 1967; Нечаев 1991) относили к залётным с острова Хоккайдо особям.

Исторические сведения о японских журавлях на Южных Курильских островах отсутствуют. Они появились здесь в результате расселения с острова Хоккайдо, где благодаря принятым природоохранным мерам с 1952 по 1980-е годы отмечен рост численности с примерно 30 до 250 особей (Масатоми 1982; Шibaев 1982). В.А.Нечаев в 1962 и 1963 годах журавлей не встречал (Нечаев 1969). Первые встречи одиночных птиц и пар на острове Кунашир зарегистрированы в 1968 году (Ильяшенко 1988) и в 1974-1976 годах (Остапенко 1981; Шibaев 1982). Первое достоверное гнездование отмечено в 1979 году, когда местные жители встретили пару с птенцом (Шibaев 1982), а в 1982 году найдено первое гнездо на полуострове Весловский (Нечаев, Куренков 1987). В 1970-е годы подтверждено обитание японского журавля на островах Малой Курильской гряды – Зелёный и Танфильева (Шibaев 1982), а в 1980 году – на острове Юрий (Григорьев 1988). С начала 1980-х по 2010-е годы на Южных Курильских островах обитало 7 пар японских журавлей, из них четыре пары на острове Кунашир (на мысе Палтусово, полуострове Весловский, в междуречье Белозерской и Рикорда и в долине реки Серноводка у озера Песчаное) и три пары на островах Малой Курильской гряды (рис. 1). Из четырёх пар на Кунашире три гнездились регулярно, а пара на мысе Палтусово, возможно, гнездилась, но с птенцами её не на-

блюдали. У трёх пар на Малой Курильской гряде также периодически отмечали птенцов (Нечаев, Сундуков 2017).

Популяция на острове Хоккайдо к 2007 году увеличилась до 1200 особей (Koga *et al.* 2008), в период с 2007 по 2012 год она держалась на уровне 1200-1300 особей (Момозе 2013), а к зиме 2018/19 года достигла 1800 особей (Момозе и др. 2018; Ильяшенко, Момозе 2020).

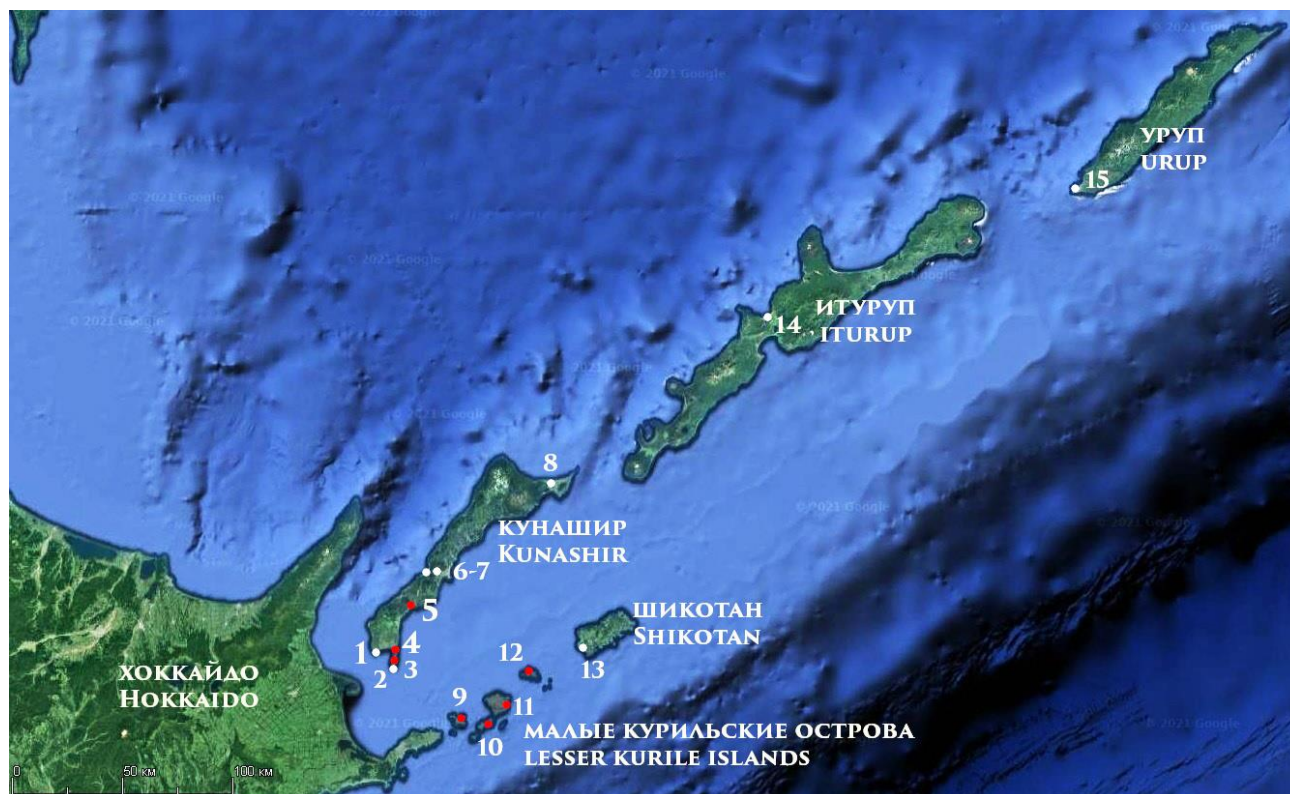

Рис. 1. Распределение пар японского журавля на Южных Курильских островах
(красный значок – регулярно гнездящиеся, белый значок – территориальные).

1 – мыс Палтусово, 2 – южная оконечность полуострова Весловский, 3 – центр полуострова Весловский, 4 – междуречье Белозерской и Рикорда, 5 – долина реки Серноводка у озера Песчаное, 6-7 – озёра Алигер и Серебряное (возможно, одна и та же пара); 8 – озеро Длинное на полуострове Ловцова; 9 – остров Танфильев; 10 – остров Юрьев, 11 – остров Зелёный, 12 – остров Полонского, 13 – район бухты Дельфин на острове Шикотан, 14 – остров Итуруп, 15 – южная оконечность острова Уруп.

Fig. 1. Distribution of the Red-crowned Crane pairs on the South Kuril Islands
(red circles – regularly breeding pairs, white circles – territorial pairs).

1 – Paltusovo Cape, 2 – the southern end of the Veslovsky Peninsula, 3 – the center of the Veslovsky Peninsula, 4 – the interfluvium of Belozerskaya and Rickord, 5 – the Sernovodka River Valley near Lake Peschanoye, 6-7 – Lake Aliger and Lake Serebryanoye (possibly the same pair); 8 – Lake Dlinnoye on the Lovtsov Peninsula; 9 – Tanfiliev's Island; 10 – Yuri Island, 11 – Zeleny Island, 12 – Polonsky Island, 13 – Shikotan Island, 14 – Iturup Island, 15 – southern end of Urup Island.

В связи с ростом с 2012 года численности японского журавля на острове Хоккайдо произошло вторичное расселение журавлей на Южные Курильские острова, где число пар к 2020 году увеличилось до 14-15 (рис. 1), включая 7-8 пар на острове Кунашир, одну пару в районе бухты Дельфин на острове Шикотан (отмечена в 2018-2020 годах – Козловский и др. в печати), одну пару на острове Итуруп (встречена 28 июля 2019 пролетающей над Куйбышевским озером, а местные жители наблюдают её регулярно в районе аэродрома Буревестник (Редькин и др.

2021)), одну – на южной оконечности острова Уруп (встречена в июле 2010 года – В.Недорезов)* и по одной паре на островах Малой Курильской гряды – Юрий, Зелёный, Танфильева и Полонского (Кислейко и др. 2018, 2020). На острове Полонского первое достоверное гнездование этого журавля отмечено в 2018 году.

Рис. 2. Места обитания японских журавлей на мысе Палтусово, Кунашир. Фото Е.Ильяшенко.
Fig. 2. Red-crowned Crane habitats at the Paltusovo Cape, Kunashir. Photo by E.Ilyashenko.

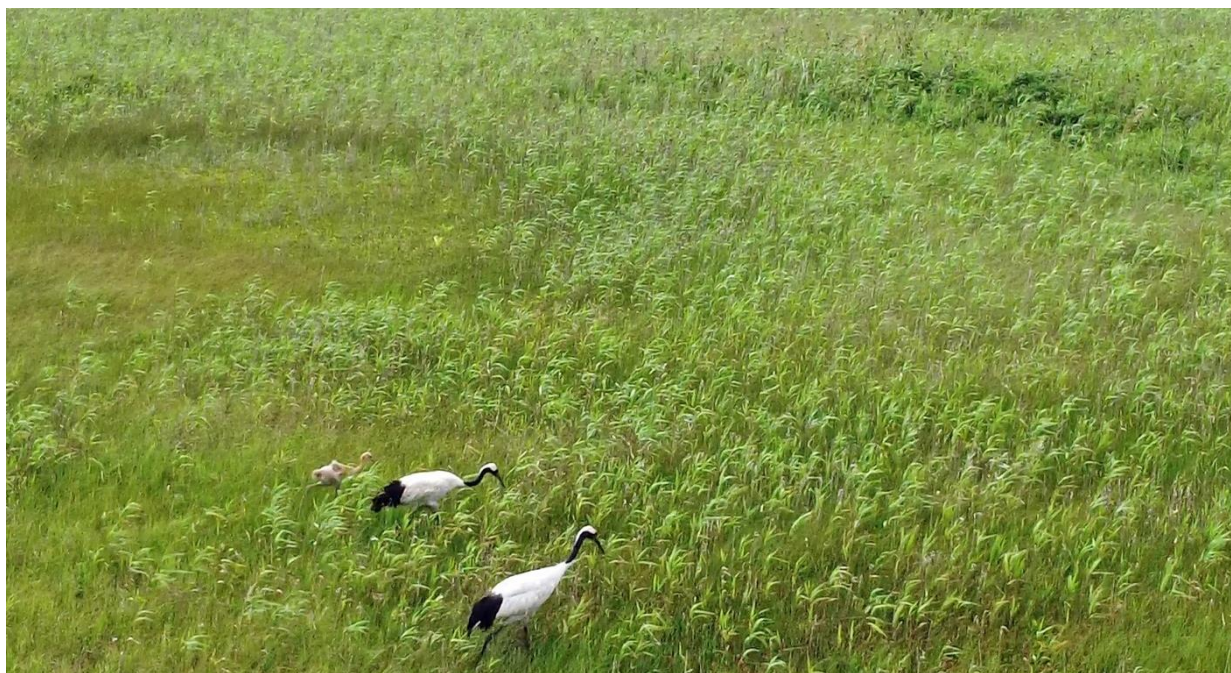

Рис. 3. Места обитания на полуострове Весловский, Кунашир. Фото Е.Гришаевой.
Fig. 3. Habitats on the Veslovsky Peninsula, Kunashir. Photo by E.Grishaeva.

* <https://www.youtube.com/watch?v=yg9WiXHe74>

Рис. 4. Места обитания в междуречье Рикорда и Белозерской, Кунашир. Фото Е.Гришаевой.
Fig. 4. Habitats Rickord and Belozerskaya Intervluve, Kunashir. Photo by E.Grishaeva.

Рис. 5. Места обитания в долине реки Серноводка у озера Песчаное, Кунашир. Фото Е.Гришаевой.
Fig. 5. Habitats in the Sernovodka River Valley, Kunashir. Photo by E.Grishaeva.

Несмотря на увеличение численности японских журавлей, на Кунашире регулярное гнездование отмечено лишь у трёх пар, обитающих на острове с 1970-1980-х годов, три-четыре новые пары или не размножались, или теряли кладки или птенцов. Пары на островах Шикотан, Итуруп и Уруп, по-видимому, ещё не гнездятся.

Рис. 6. Гнездо и местообитания японских журавлей на озере Алигер, Кунашир. Фото В.Ильяшенко.
 Fig. 6. Nest and habitats of red-crowned cranes in Alier Lake, Kunashir. Photo by V.Ilyashenko.

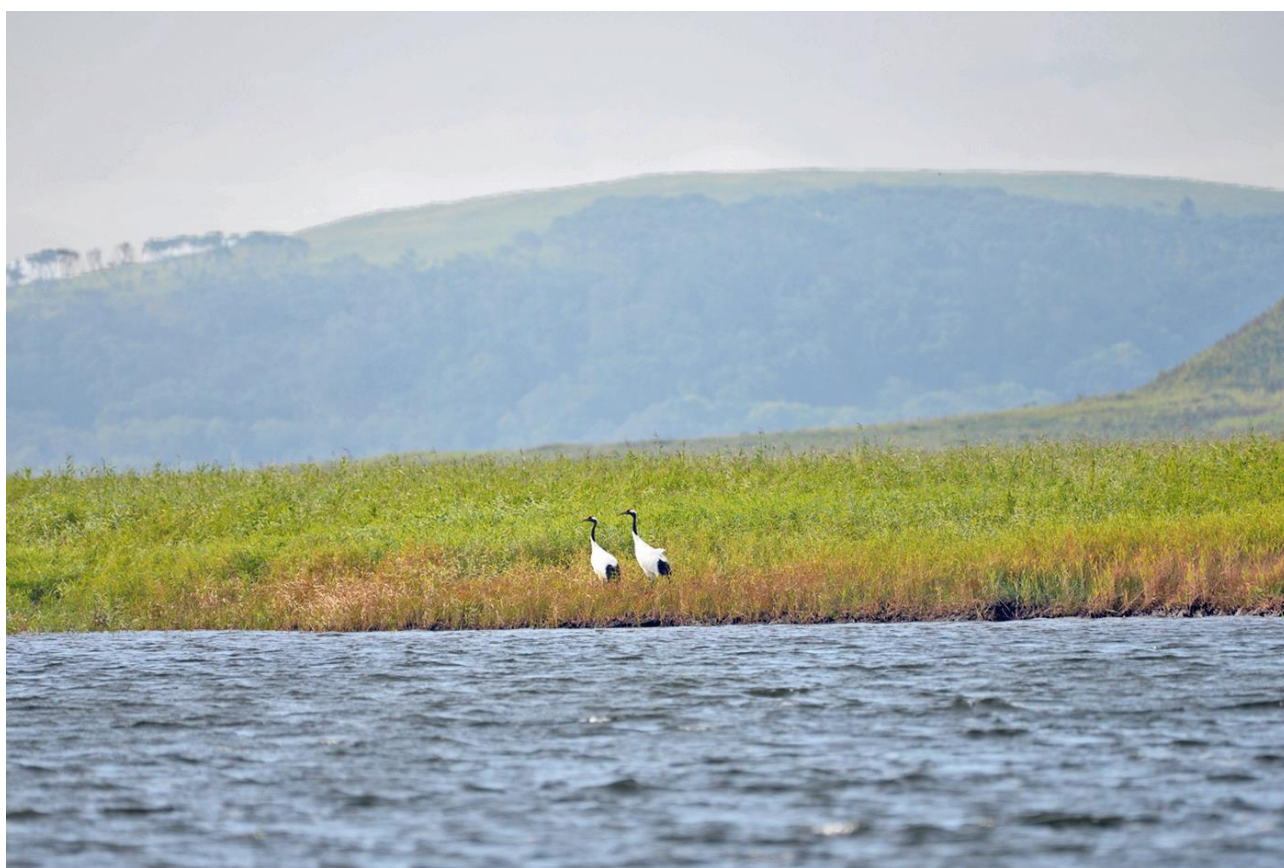

Рис. 7. Места обитания на озере Длинное, полуостров Ловцова, север Кунашира. Фото Е.Козловского.
 Fig. 7. Habitats in Lake Dlinnoye, Lovtsov Peninsula, north of Kunashir Lake. Photo by E.Kozlovsky.

Рис. 8. Меченая самка Белая с птенцом в междуречье Рикорда и Белозерской.
19 июня 2018. Фото Е.Козловского.
Fig. 8. Marked female White with a chick in the interfluvium of Rikord and Belozerskaya.
19 June 2018. Photo by E. Kozlovsky.

Рис. 9. Кладка пары японских журавлей *Grus japonensis*, гнездящейся
в междуречье Рикорда и Белозерская, с почти белыми яйцами. 22 мая 2017. Фото В.Ильяшенко.
Fig. 9. Clutch with almost white eggs of the red-crowned crane *Grus japonensis* pair
in Rickord and Belozerskaya Interfluvium. 22 May 2017. Photo by V.Ilyashenko.

Благодаря регулярному мониторингу сотрудниками заповедника «Курильский», а также дистанционному слежению за самкой, помеченной GPS-GSM передатчиком в мае 2017 года, определена успешность гнездования трёх пар за период с 2016 по 2020 год (Нечаев, Сундуков 2017; Кислейко и др. 2018, 2020; Козловский и др. 2021). У пары с меченой самкой, гнездившийся в междуречье Белозерской и Рикорда, в 2016 году кладка погибла во время шторма (Нечаев, Сундуков 2017). В 2017 году птенцы вылупились, но не выжили: на месте зимовки на острове Хоккайдо пара отмечена без потомства (Кислейко и др. 2018). В 2018-2020 годах наблюдали четырёх птенцов раннего возраста (по одному в 2018 и 2020 и два в 2019 году), но только один из них выжил и встречен вместе с родителями зимой 2018/19 года на Хоккайдо. Другая пара, гнездившаяся в долине реки Серноводка, вывела по одному птенцу в 2018 и 2020 годах. Оба встречены с родителями поздней осенью. Третья пара, гнездившаяся в центре полуострова Весловский, вывела пять птенцов (два в 2019 и по одному в 2017, 2018 и 2020 годах), из них три встречены поздней осенью.

Яйца в обнаруженных гнёздах японского журавля белого цвета или с немногочисленными пятнами (Нечаев, Куренков 1987; Ильяшенко 1988; Кислейко и др. 2018), как у 30% популяции этого вида на острове Хоккайдо (Inoue, Momose 2012).

Таким образом, на острове Кунашир с 2016 по 2020 год гнездились 3 из 7-8 пар, и 6 из 11 птенцов дожили до поздней осени или зимы. Определить успешность гнездования пар, гнездящихся на островах Малой Курильской гряды, сложно из-за отсутствия регулярных наблюдений.

На успешность размножения на Кунашире влияет большое число хищников: орлана-белохвоста *Haliaeetus albicilla*, большеклювой *Corvus macrorhynchos* и чёрной *C. corone orientalis* ворон, лисицы *Vulpes vulpes* и собак из близлежащих посёлков.

Дистанционное слежение и встречи меченой самки позволили выяснить её перемещения (Кислейко и др. 2018, 2020; Козловский и др. в печати). Осенью она покидала Кунашир в разное время. В годы, когда пара теряла птенцов, улетала на Хоккайдо 2 сентября 2017, 11 сентября 2019 и 13 августа 2020. В 2018 году, когда у неё был птенец, держалась в районе гнездовой территории до 22 октября.

Каждую зиму за период с 2017/18 по 2019/20 годы самка использовала два места зимовки: Бецукай – до середины или конца декабря, и Сибетю – до начала весенней миграции. На обоих местах кормилась около молочной фермы и на сельскохозяйственных угодьях. В Бецукае ночевала в пойме реки Токотан или на водохранилище на реке Нисимарубецу, в Сибете – на реке Куширо. Зиму 2020/21 года держалась только в Бецукае. Весеннюю миграцию с Хоккайдо начинала 20 марта 2019, 14 марта 2020 и 23 марта 2021.

Во время пребывания в Бецукае самка иногда летала на несколько дней в Сибетю или Цуруи. Кроме того, каждый год в октябре или ноябре, уже после отлёта на зимовку, самка посещала район гнездования на Кунашире (в 2017 году с 16 октября по 7 ноября вместе с партнёром, в 2018 – с 27 ноября по 6 декабря с партнёром и птенцом, в 2019 – с 31 октября по 4 ноября без партнёра, в 2020 – с 30 сентября по 1 октября без партнёра). Поэтому можно предположить, что встречи других пар в позднеосенний и зимний периоды – также кратковременные визиты на остров Кунашир.

Рис. 10. Меченая передатчиком самка японского журавля с партнёром и окольцованным птенцом в Бецукае (Хоккайдо). 4 ноября 2018. Фото К.Момозе.
Fig. 10. Tagged red-crowned crane female with partner and ringed chick in Betsukai.
4 November 2018. Photo by K.Momose.

Пары японских журавлей в районе мест гнездования отмечали на мысе Палтусово в начале февраля 1986 года (Ильяшенко 1988), на полуострове Весловский – 25 декабря 1974 (Шибает 1982), в долине реки Серноводка – 11, 13, 19 декабря 2007, 18 и 22 ноября и 11 декабря 2013 (Нечаев, Сундуков 2017), до 3 декабря 2018 (Кислейко и др. 2018), 17, 25, 30 ноября и 10 декабря 2020 (Козловский и др. 2021).

В заключении отметим, что на Южных Курильских островах ещё достаточно подходящих для японского журавля гнездовых местообитаний, что в будущем может способствовать увеличению его численности.

Благодарим НПО Red-crowned Crane Conservancy за содействие в проведении работ по мечению и д-ра Хансу Ли, Корейский институт охраны окружающей среды, за предоставление передатчиков.

Current status of the red-crowned crane *Grus japonensis* in the South Kurile Islands

E.I.Ilyashenko, A.A.Kisleiko, E.E.Kozlovsky, E.V.Linnik,
K.Momose, Yu.Momose, V.Yu.Ilyashenko

In the 19th century, the red-crowned crane *Grus japonensis* was abundant on Hokkaido Island (Масатоми 1982). They were common on south Sakhalin Island (Добротворский 1870; Мицуль 1873), although the white cranes there were frequently confused with siberian cranes *Leucogeranus leucogeranus* (Никольский 1889; Нечаев 1991). Since the 1920s, all sightings on Moneron Island and south Sakhalin (Musterherhjelm 1921; Takahashi 1937; Гизенко 1955; Така-Тсуката 1967; Нечаев 1991) were referred to as individuals that had wandered from Hokkaido.

There were no historical data on red-crowned cranes on the South Kuril Islands. They appeared here due to the emigration from Hokkaido, where, thanks to environmental protection measures, increase in the number was registered from near 30 individuals in 1952 to 250 in 1980s (Масатоми 1982; Шибаев 1982). V.A.Nechaev did not see cranes on the South Kuril Islands in 1962 and 1963 (Нечаев 1969). The first sightings of single birds and pairs on Kunashir Island were noted in 1968 (Ильяшенко 1988) and in 1974-1976 (Остапенко 1981; Шибаев 1982). The first reliable breeding was in 1979, when local residents saw a pair with a chick (Шибаев 1982), and in 1982 the first nest was found on the Veslovsky Peninsula (Нечаев, Куренков 1987). In the 1970s, red-crowned crane habitation was confirmed on the Lesser Kuril Islands – Zeleny and Tanfiliev's (Шибаев 1982), and on Yuri – in 1980 (Григорьев 1988).

From the early 1980s to 2015, seven pairs inhabited the South Kuril Islands, of which four pairs were on Kunashir Island (at Paltusovo Cape (Fig. 2), on the Veslovsky Peninsula (Fig. 3), in the Belozerskaya and Rickord Interfluve (Fig. 4) and in the Sernovodka River Valley near Lake Peschanoye (Fig. 5)) and three pairs on the Lesser Kuril Islands (Fig. 1). Of the four pairs on Kunashir Island, three bred regularly, and the pair at Paltusovo Cape probably nested, but has never been seen with chicks. The three pairs on the Lesser Kuril Islands were also periodically observed with chicks (Нечаев, Сундуков 2017).

The population on Hokkaido increased to 1200 individuals by 2007 (Koga *et al.* 2008). In the period from 2007 to 2012 the number remained at the level of 1200-1300 individuals (Момозе 2013), and by winter 2018/19 it reached 1800 individuals (Момозе и др. 2018; Ильяшенко, Момозе 2020).

With the increasing numbers of the Hokkaido population since 2012, there was a secondary relocation of cranes from there to the South Kuril Islands. By 2020 the number of pairs increased to 14-15, including 7-8 pairs

on Kunashir Island (Fig. 6, 7), one pair in the Dolphin Bay on Shikotan Island (sighted in 2018-2020 – Козловский и др., 2021), one pair on Iturup Island (seen on 28 July 2019 flying over the Kuibyshev Lake, and were regularly observed by residents near airfield – Редькин и др. 2021), one pair on Urup Island (video of 2010 made by V.Nedorezov)*, and four pairs on the Lesser Kuril Islands (Yuri, Zeleny, Tanfiliev's, and Polonsky) (Кислейко и др. 2018, 2020) (Fig. 1). On Polonsky Island, the first reliable breeding was registered in 2018.

Despite the increase in numbers, regular breeding was observed on Kunashir Island for only three pairs that have been living there since the 1970-1980s. Three or four new pairs either did not breed, or lost clutches or chicks. Pairs on the islands of Shikotan, Iturup, and Urup, probably, did not breed still.

Thanks to regular monitoring by the staff of the State Nature Reserve of “Kurilsky”, as well as the tagging of a female in 2017 with a GPS-GSM transmitter, the breeding success of three regularly breeding pairs on Kunashir Island was determined from 2016 to 2020 (Нечаев, Сундуков 2017; Кислейко и др. 2018, 2020; Козловский и др. в печати). For the pair with a tagged female, it was known that its clutch was destroyed during a storm in 2016 (Нечаев, Сундуков 2017). In 2018-2020 four chicks were seen at their early age (one each in 2018 and 2020 and two in 2019) (Fig. 8), but only one of them survived and was sighted with parents in winter 2018/19 on Hokkaido. The second pair hatched one chick each in 2018 and 2020. They fledged and were observed with parents on Kunashir Island until late autumn. The third pair had five chicks (two in 2019, and one each in 2017, 2018 and 2020), of which three fledged and reliably survived until late autumn.

The eggs in the discovered nests were white or had a few spots (Нечаев, Куренков 1987; Ильяшенко 1988; Кислейко и др. 2018), as in 30% of the Hokkaido population (Inoue? Momose 2012) (Fig. 9).

In summary, from 2016 to 2020 three out of 7-8 pairs on Kunashir bred regularly, six out of 11 hatched chicks fledged. It is difficult to determine the breeding success of the pairs on the Lesser Kuril Islands due to sporadic information.

Breeding success on Kunashir Island is influenced by a large number of predators: white-tailed eagles *Haliaeetus albicilla*, large-billed *Corvus macro-rhynchos* and eastern carrion *C. corone orientalis* crows, foxes *Vulpes vulpes*, and dogs from nearby villages.

Remote tracking and sightings of the tagged female made it possible to find out her movements. In the years when she lost chicks, she started autumn migrations from Kunashir to Hokkaido on 2 September 2017, on 11

* <https://www.youtube.com/watch?v=yg9WiXHe74>

September 2019, and on 13 August 2020. In 2018, when she had a chick, she stayed at the breeding site until 22 October.

For the period from the winter 2017/18 to the winter 2019/20, the female used two wintering grounds on Hokkaido: Betsukai until mid or late December, and Shibeche until spring migrations. In both wintering sites, she fed near a dairy and on agricultural lands (Fig. 10). In Betsukai the female roosted in the floodplain of the Tokotan River or at the reservoir of the Nishimarubetsu River, while in Shibeche – on the Kushiro River. Throughout the winter of 2020/21, she stayed only in Betsukai. Spring migration from Hokkaido began on 20 March 2019, 14 March 2020, and 23 March 2021.

During the stay in Betsukai, the female flew sometimes in October or in November for a few days to Shibeche or Tsurui. Besides, every year, after leaving for winter, she visited her breeding site on Kunashir alone or with her partner (in 2017 – from 16 October to 7 November with her partner, in 2018 – from 27 November to 6 December with her partner and her chick, in 2019 – from 31 October to 4-5 November without the partner, and in 2020 – from 30 September to 1 October without the partner). Therefore, it can be assumed that sightings of other pairs in Kunashir in late autumn or winter are also their short-term visits to their breeding sites.

Pairs were noted at breeding sites in Paltusovo Cape in the early February 1986 (Ильяшенко 1988), on the Veslovsky Peninsula – on 25 December 1974 (Шибачев 1982), in the Sernovodka River Valley – on 11, 13, and 19 December 2007, on 18 and 22 November and on 11 December 2013 (Нечаев, Сундуков 2017), until 3 December 2018 (Кислейко и др. 2018), on 17, 25, 30 November and 10 December 2020 (Козловский и др. 2021).

In conclusion, there are still a lot of suitable breeding habitats for the red-crowned crane on the South Kurile Islands, which may contribute to an increase in its numbers in the future.

Thanks to the Red-crowned Crane Conservancy (Japan) for facilitating the crane tagging and strengthening of monitoring, and Dr. Hansoo Lee, Korea Institute for Environmental Ecology, for providing the transmitters.

Л и т е р а т у р а

- Гизенко А.И. 1955. *Птицы Сахалинской области*. М.: 1-328.
- Григорьев Е.М. (1988) 2018. Японский журавль *Grus japonensis* на островах Малой Курильской гряды // *Рус. орнитол. журн.* **27** (1673): 4752-4754.
- Добротворский М.М. 1870. Южная часть острова Сахалина // *Изв. Сиб. отд. Импер. Рус. геогр. общ-ва* **1**, 2/3: 18-35.
- Ильяшенко В.Ю. 1988. Японский журавль на острове Кунашир // *Журавли Палеарктики*. Владивосток: 199-203.
- Ильяшенко Е.И., Момозе Ю. 2020. VII совещание Совета Международной сети по сохранению японского журавля // *Информ. бюл. Рабочей группы по журавлям Евразии* **15**: 172-175.
- Кислейко А.А., Козловский Е.Е., Маркин Ю.М., Момозе К., Ильяшенко Е.И., Ильяшенко В.Ю., Момозе Ю., Ли Х. 2018. Результаты мечения японских журавлей на

- о. Кунашир, Курильские острова, в 2017 г. // *Информ. бюл. Рабочей группы по журавлям Евразии* **14**: 151-160.
- Кислейко А.А., Козловский Е.Е., Момозе К., Момозе Ю.С. 2020. Гнездование японских журавлей на о. Кунашир (Сахалинская область) в 2018 и 2019 гг. // *Информ. бюл. Рабочей группы по журавлям Евразии* **15**: 9-16.
- Козловский Е.Е., Линник Е.В., Момозе К., Момозе Ю.С. 2021. Мониторинг японских журавлей на о. Кунашир, Россия, в 2020 г. // *Информ. бюл. Рабочей группы по журавлям Евразии* **16** (в печати).
- Масатоми Х. 1982. Исторический обзор изменений численности *Grus japonensis* P.L.S. Müller в Японии // *Журавли Восточной Азии*. Владивосток: 27-34.
- Мицуль М. 1873. *Очерк острова Сахалина в сельскохозяйственном отношении*. СПб.: 1-159.
- Момозе К. 2013. Учёты японских журавлей зимой 2011/2012 г. на Хоккайдо, Япония // *Информ. бюл. Рабочей группы по журавлям Евразии* **12**: 59.
- Момозе Ю., Ли К., Момозе К., Фавен Ч. 2018. Результаты международных учётов японского журавля в 2013-2017 гг. // *Информ. бюл. Рабочей группы по журавлям Евразии* **14**: 66-67.
- Нечаев В.А. 1969. *Птицы Южных Курильских островов*. Л.: 1-243.
- Нечаев В.А. 1991. *Птицы острова Сахалин*. Владивосток: 1-747.
- Нечаев В.А., Куренков В.Д. (1987) 2012. Гнездование японского журавля *Grus japonensis* на острове Кунашир // *Рус. орнитол. журн.* **21** (716): 26-27.
- Нечаев В.А., Сундуков Ю.Н. 2017. Современное состояние популяции японского журавля *Grus japonensis* на Южных Курильских островах // *Рус. орнитол. журн.* **26** (1398): 337-340.
- Никольский А.М. 1889. Остров Сахалин и его фауна позвоночных животных // *Зап. Импер. Акад. наук* **60**: 1-334.
- Остапенко В.А. 1981. К авифауне острова Кунашир (Южные Курилы) // *Орнитология* **16**: 156-157.
- Редькин Я.А., Коблик Е.А., Мосалов А.А., Ганицкий И.В., Цветков А.В., Смирнов П.А., Попов И.Ю., Жигир Д.Р. 2021. Материалы по фауне и систематике птиц острова Итуруп по результатам исследований 2004 и 2019 годов // *Рус. орнитол. журн.* **30** (2022): 83-128.
- Шибаяев Ю.В. 1982. О распространении и численности японского журавля на востоке ареала // *Журавли Восточной Азии*. Владивосток: 18-26.
- Inoue M., Momose K. (eds.) 2012. *God of Wetlands – the Red-crowned Crane. Japan, Kushiro*. NPO Tancho Protection Group, International Red-crowned Crane Network: 1-17.
- Koga K., Hu D., Momose K. (eds). 2008. The current status and issues of the Red-crowned Crane // *Proc. meeting "Establishment of a Feasible International Project for Protection of the Tancho Grus japonensis in 2007"*. Japan, Kushiro: Tancho Protection Group: 3-12
- Musterherhjelm L. 1922. Some ornithological notes from a journey to Saghalien in 1914 // *Meddelanden fran Göttenborgs Musei zool.Avd.* **13**: 1-112.
- Takahashi T. 1937. A list of the birds from Saghalien, depended on the descriptions to arrangement of birds on the specimens in the Saghalien locality Museum // *Toyohara: Saghalien locality Museum* **1**, 1: 1-122.
- Taka-Tsukata N. 1967. *The birds of Nippon*. Tokyo, 1: 1-701.

Залёт кумая *Gyps himalayensis* на озеро Жаланашколь в Джунгарских воротах

Н.Н.Березовиков, С.С.Шмыгалёв

Николай Николаевич Березовиков. Институт зоологии, Министерство образования и науки, проспект Аль-Фараби, д. 93, Алматы, 050060, Казахстан. E-mail: berezovikov_n@mail.ru
Сергей Сергеевич Шмыгалёв. Питомник соколов «Сункар», Алматы, 050060, Казахстан

Поступила в редакцию 29 сентября 2021

В Джунгарских воротах 8 мая 2015 наблюдали взрослого кумая *Gyps himalayensis*, кружившегося в поисках добычи над подгорной каменистой пустыней между восточными отрогами Джунгарского Алатау и озером Жаланашколь (45°35'23" с.ш., 82°06'26" в.д.) (рис. 1, 2). Ранее залётов кумая в равнинную часть Алакольской котловины не было известно (Шнитников 1949; Корелов 1962; Березовиков 2004).

Рис. 1. Кумай *Gyps himalayensis* в полёте. Озеро Жаланашколь в Джунгарских воротах. 8 мая 2015. Фото С.С.Шмыгалёва.

Ближайшие места обитания кумая находятся на высокогорном плато Сары-Боктёр между истоками Токты, Теректы и Ыргайты, где он наряду с бородачом *Gypaetus barbatus* и чёрным грифом *Aegypius monachus* не представляет редкости (Березовиков, Левин 2016). Особенно часто кумаи встречаются в верхней части плато в районе пика Сандыктас (45°27' с.ш., 81°40' в.д.) – основного очага обитания архара *Ovis ammon* в восточной части Джунгарского Алатау. Эти места находятся в 30-50 км от озёр Жаланашколь и Алаколь, поэтому залёты кумаев сюда не исключены, тем более что чёрные грифы отмечались здесь неоднократно (Корелов 2013; Березовиков и др. 2004; Березовиков, Левин 2016). Для хищников-падальщиков подгорные шлейфы Джунгарского Алатау, наклонно опускающиеся к озеру Алаколь, представляют несомненный трофи-

ческий интерес, так как в осенне-зимнее время здесь в большом количестве выпасаются овцы, козы, лошади, верблюды и всегда есть вероятность обнаружить для питания трупы павших животных (рис. 3).

Рис. 2. Озеро Жаланашколь. На дальнем фоне отроги Джунгарского Алатау с ущельями рек Теректы и Ыргыйты. 5 сентября 2005. Фото Н.Н.Березовикова.

Рис. 3. Подгорная каменистая пустыня Джунгарского Алатау между ущельями рек Ыргайты и Теректы – места осенне-зимних пастбищ. 7 сентября 2005. Фото Н.Н.Березовикова.

Описанная встреча кумая дополняет фаунистический список птиц Алакольского заповедника ещё одним залётным видом, занесённым в Красную книгу Республики Казахстан.

Л и т е р а т у р а

- Березовиков Н.Н. 2004. Птицы Алакольского заповедника // *Тр. Алакольского заповедника* 1: 199-257.
- Березовиков Н.Н., Гаврилов Э.И., Хроков В.В. 2007. Орнитофауна озера Жаланашколь и Джунгарских ворот // *Рус. орнитол. журн.* 16 (348): 295-333.
- Березовиков Н.Н., Грачёв В.А., Анисимов Е.И., Левинский Ю.П. 2004. Зимняя фауна птиц Алакольской котловины // *Тр. Ин-та зоол. МОН РК* 48: 126-150.
- Березовиков Н.Н., Левин А.С. 2016. К фауне птиц восточной части Джунгарского Алатау // *Рус. орнитол. журн.* 25 (1322): 2931-2961.

- Корелов М.Н. 1962. Отряд хищные птицы – Falconiformes // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 2: 488-707.
- Корелов М.Н. 2013. Орнитологические наблюдения в Джунгарском Алатау в 1956 году // *Рус. орнитол. журн.* 22 (921): 2559-2591.
- Шнитников В.Н. 1949. *Птицы Семиречья*. М.; Л.: 1-665.

ISSN 1026-5627

Русский орнитологический журнал 2021, Том 30, Экспресс-выпуск 2116: 4395

Зимовка серого снегиря *Pyrrhula cineracea* в окрестностях Алма-Аты в 1953/54 году

Э.Ф.Родионов

Эвальд Фёдорович Родионов. Биологический музей Казахского государственного национального университета им. Аль-Фараби, пр. Аль-Фараби, 71, г. Алматы, 050012, Казахстан

Поступила в редакцию 24 сентября 2021*

Среди воробьиных птиц, прилетающих на зимовку в северные предгорья Тянь-Шаня, особый интерес представляют периодические случаи появления серого снегиря *Pyrrhula cineracea*, ближайшие места гнездования которого находятся на Алтае, в 1000 км северо-восточнее Алма-Аты (Гаврилов 1974).

Во второй половине XX века одним из наиболее заметных и значительных был налёт серых снегирей в Семиречье зимой 1953/54 года. У северного подножия Заилийского Алатау они первый раз отмечены мной 20 декабря 1953 на Мокром ключе по южной окраине Алма-Аты, где была добыта в коллекцию взрослая самка. В дальнейшем в течение этой зимы ещё два экземпляра были добыты в этом месте Е.Гуриным 2 января и 7 марта 1954. Поступили также сообщения алма-атинских птицеловов о встречах этих птиц в окрестностях города, которые иногда между собой называют их «голубыми снегирями» за голубовато-серый оттенок нижней стороны тела. Все 3 добытых экземпляра *P. cineracea* хранятся в орнитологической коллекции Института зоологии МОН Республики Казахстан (Алматы).

Л и т е р а т у р а

Гаврилов Э.И. 1974. Род Снегирь – *Pyrrhula* // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 5: 284-290.

* Из архива Института зоологии Казахстана. Подготовил к печати Н.Н.Березовиков.

Летнее население морских птиц в тихоокеанских водах Камчатки и Курильских островов

В.П.Шунтов

*Второе издание. Первая публикация в 1992**

Обширная акватория тихоокеанских вод камчатско-командорского и прикурильского районов до сих пор остаётся слабо изученной в орнитологическом отношении. В то же время эти районы используют для сезонных кочёвок и зимовок большое количество морских птиц как из Аркто-бореальной области, так и из Южного полушария.

Информация о летнем населении морских птиц в камчатско-курильском регионе, если не считать работ, связанных с изучением гнездовых колоний, ограничивается в основном наблюдениями 1950-1960-х годов (Kuroda 1955, 1960; Шунтов 1972). В последние годы появилось несколько публикаций, посвящённых отдельным видам птиц (Tanaka 1986; Ока 1986), а также осеннему населению птиц в этом районе (Шунтов 1988). Кстати, данных о морских птицах центральных районов северной Пацифики, несомненно, больше и недавно они были обобщены Сангером и Эйсли (Sanger, Ainley 1988). Район, изученный этими авторами, непосредственно прилегает к прикурильским и прикамчатским водам.

В июне-августе 1991 года автор настоящей статьи руководил экспедицией на научно-исследовательских судах «Профессор Леванидов» и «Профессор Кагановский», во время которой была выполнена комплексная съёмка эпипелагиали, охватившая океанские воды Камчатки и Курильских островов с сопредельными районами Берингова и Охотского морей. В этой экспедиции проводили количественный учёт и сбор других материалов по планктону, рыбам, кальмарам и морским млекопитающим. Попутно во всех районах я сделал около 300 учётов птиц; почти половина из них пришлась на океанские воды. О расположении точек учётов можно судить по приводимым в статье схемам распределения птиц. Одновременно были собраны солидные массивы информации, характеризующие океанологический режим районов исследований. Некоторые из полученных данных по планктону, нектону и гидрологии в предлагаемой статье использованы при объяснении распределения птиц†.

Всю биостатистическую информацию по планктону и нектону осредняли по серии крупных районов. Такая подразделённость акватории сохранена и при анализе распространения птиц (рис. 1). Для наглядности и более полного представления об особенностях распределения птиц, нектона и планктона в океанских водах в статье приведены некоторые количественные характеристики по этим группам для сопредельных вод Берингова и южной части Охотского моря.

* Шунтов В.П. 1992. Летнее население морских птиц в тихоокеанских водах Камчатки и Курильских островов // Зоол. журн. 71, 11: 77-87.

† Сбор и обработку данных по планктону, выполняли В.И.Чучукало, А.Я.Ефимкин, П.А.Кузнецова, В.И. Матвеев, А.Л. Фигуркин.

Полоса учётов при нормальной видимости, как и ранее (Шунтов 1988), принималась для чаек, глупыша, поморников, буревестников, бакланов и альбатросов – 800 м, кайр, топорка, чистиков, уток – 600 м, мелких чистиковых, плавунчиков и качурок – 400 м. Суда, особенно рыболовные, занятые тралениями, почти всегда привлекают различными отбросами некоторых птиц (в данном случае чаек, глупыша и альбатросов). При расчётах количество таких птиц было уменьшено в 10 раз.

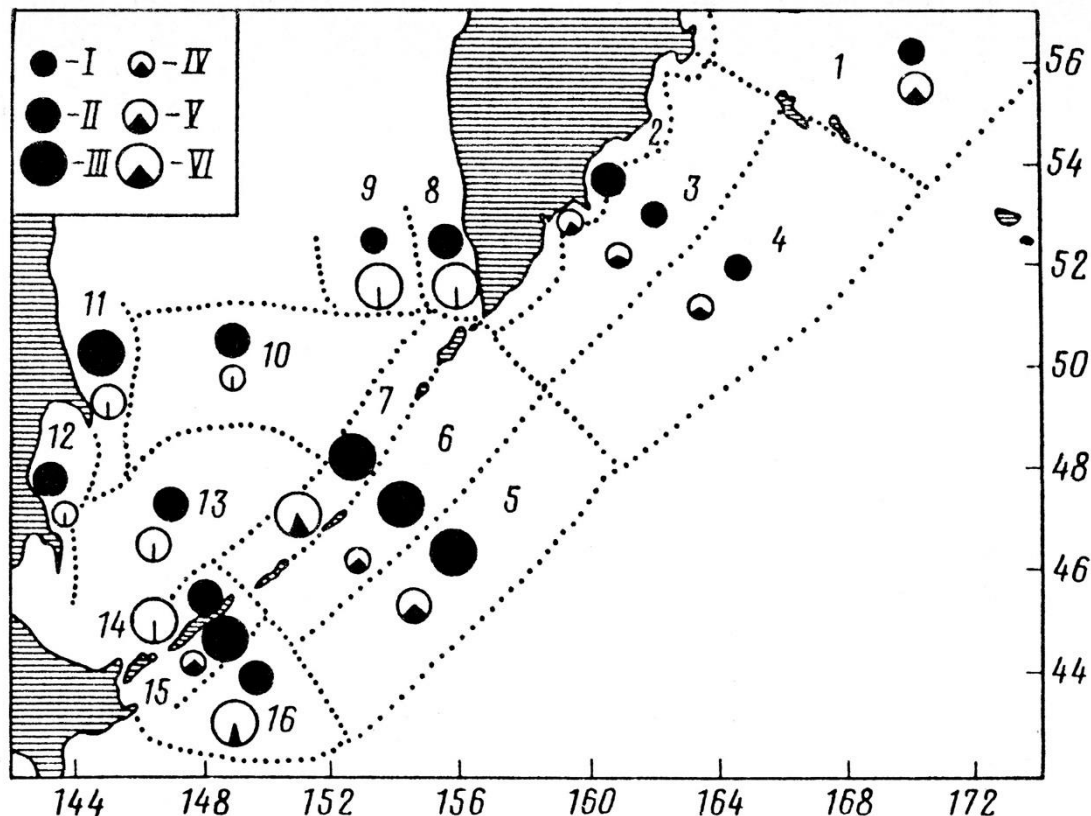

Рис. 1. Схема районов осреднения биостатистической информации о биомассе райкового макропланктона (I-III) и нектона (IV-VI) (т/км²): I – менее 50; II – 50-100; III – не более 100; IV – менее 1; V – 1-2; VI – более 2; чёрные сектора – кальмары, белые – рыбы, точечные линии – границы районов, арабские цифры – номера районов.

Наблюдения пришлись на сезон размножения местных птиц, когда многие из них концентрируются у гнездовых колоний. Это обстоятельство необходимо учитывать при анализе полученных данных, тем более что исследования были проведены главным образом в районах с глубинами более 80–100 м, т.е. за пределами прибрежной зоны.

Соотношение видов морских птиц в представленных на рисунке 1 районах северо-западной части Тихого океана приведено в таблице 1. В целом в тихоокеанских водах Камчатки и Курильских островов почти половина поголовья птиц (48.1%) пришлась на буревестников из южного полушария – тонкоклювого *Puffinus tenuirostris* и серого *P. griseus*. Столько же буревестников (51%) указано и для сопредельных вод открытого океана (Sanger, Ainley 1988). Из рисунка 2 хорошо видно, что тонкоклювый и серый буревестники были многочисленны как в мелководных, так и в глубоководных океанических районах. В конце июня – начале июля в западной части Берингова моря они были обычны, но за-

метных концентраций ещё не образовывали. В то же время в камчатско-командорских водах Тихого океана оба вида встречались в больших количествах. Всё это вписывается в известную схему миграций тонкоклювого и серого буревестников (Шунтов 1972).

Таблица 1. Видовой состав (%), плотность населения и численность морских птиц в тихоокеанских водах Камчатки и Курильских островов в июне-августе 1991 года

Вид	Районы							Всего
	2	3	4	5	6	15	16	
<i>Puffinus griseus</i> , <i>P. tenuirostris</i>	13.0	62.4	74.6	48.5	25.9	33.8	50.1	48.1
<i>Fulmarus glacialis</i> (тёмная морфа)	15.0	5.1	8.1	8.4	25.9	41.4	6.4	15.0
<i>Fulmarus glacialis</i> (светлая морфа)	0.2	0.3	0.1	<0.1	0.3	0.3	0.1	0.2
<i>Oceanodroma furcata</i>	25.3	13.7	10.2	17.3	31.0	7.7	16.7	17.9
<i>Oceanodroma leucorhoa</i>	0.4	1.9	1.7	19.8	5.0	7.1	18.1	7.7
<i>Diomedea immutabilis</i>	–	0.2	0.5	4.1	0.7	1.6	3.4	1.5
<i>Diomedea nigripes</i>	–	–	–	0.2	0.1	1.4	3.4	0.4
<i>Pterodroma inexpectata</i>	0.4	1.8	2.4	0.7	0.1	0.1	–	1.0
<i>Lunda cirrhata</i>	20.0	9.3	0.9	0.4	5.3	1.0	0.2	3.6
<i>Rissa tridactyla</i>	1.7	0.6	1.1	–	0.3	0.1	<0.1	1.4
<i>Rissa brevirostris</i>	0.6	0.7	–	0.2	0.1	–	–	0.2
<i>Aethia cristatella</i>	3.2	0.3	–	<0.1	0.7	–	–	0.3
<i>Uria aalge</i> , <i>U. lomvia</i>	8.9	3.3	0.3	–	1.0	–	–	1.0
Прочие чистиковые	8.4	0.1	–	–	0.4	2.4	–	0.4
<i>Larus schistisagus</i>	1.5	–	–	–	0.4	2.6	0.4	0.4
Прочие чайки	0.8	0.2	0.1	–	0.1	0.2	–	0.1
Прочие виды	0.6	0.1	–	0.1	1.3	0.4	1.0	0.8
Число птиц на 1 км ²	5.3	6.5	4.9	5.2	10.7	11.2	5.6	6.4
Биомасса птиц, кг/км ²	2.9	4.0	3.1	2.9	5.1	7.8	3.2	3.7
Численность, тыс. экз.	127	1024	1311	1260	1602	431	540	6295
Число учётов	5	15	14	44	30	25	12	141

Примечание. Нумерация районов – как на рисунке 1. Наблюдения в районах 2-4 проведены с 20 июня по 6 июля 1991, в районах 5, 6, 15, 16 – с 19 июня по 10 августа 1991.

В то же время полученные в настоящей экспедиции данные по прикурильским водам дают возможность существенно уточнить характер сезонных перераспределений буревестников не только здесь, но и в Охотском море. Ранее было показано, что в северной части Охотского моря тонкоклювый и серый буревестники бывают многочисленными только с конца лета. В то же время в южной части моря их большие скопления появляются уже в мае (Шунтов 1972, 1986). В южной глубоководной котловине моря летом буревестники немногочисленны. Это видно из рисунка 2 и подтверждается моими аналогичными наблюдениями во время детальной съёмки Охотского моря в июне-июле 1988 года. Поэтому бесспорно, что скопления тонкоклювого и серого буревестников в прикурильских водах Охотского моря, в том числе у юго-западного побережья Камчатки (рис. 2), проникают сюда из Тихого океана через проливы Курильской гряды.

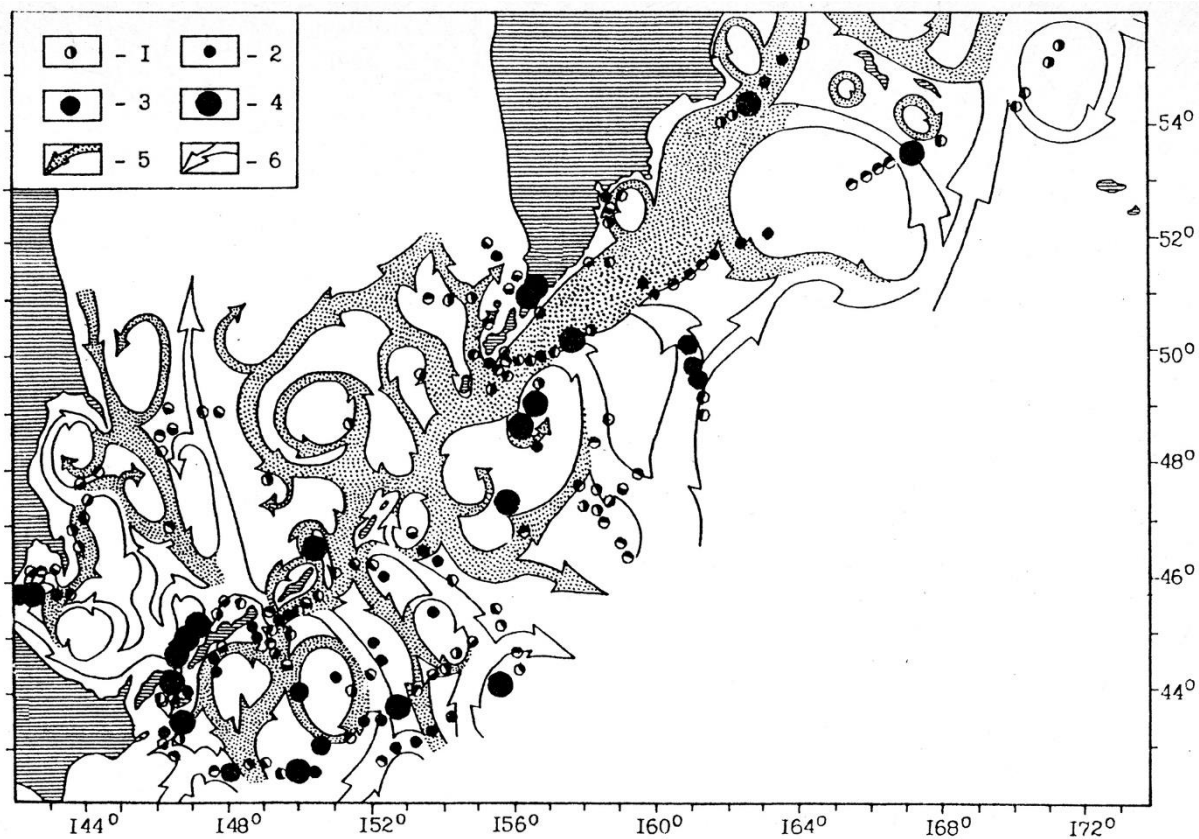

Рис. 2. Распределение тонкоклювого и серого буревестников (экз/км²) в северо-западной части Тихого океана в июне-августе 1991 года:
1 – менее 1; 2 – 1-5; 3 – 5-10; 4 – более 10; 5 – холодные течения; 6 – тёплые течения.

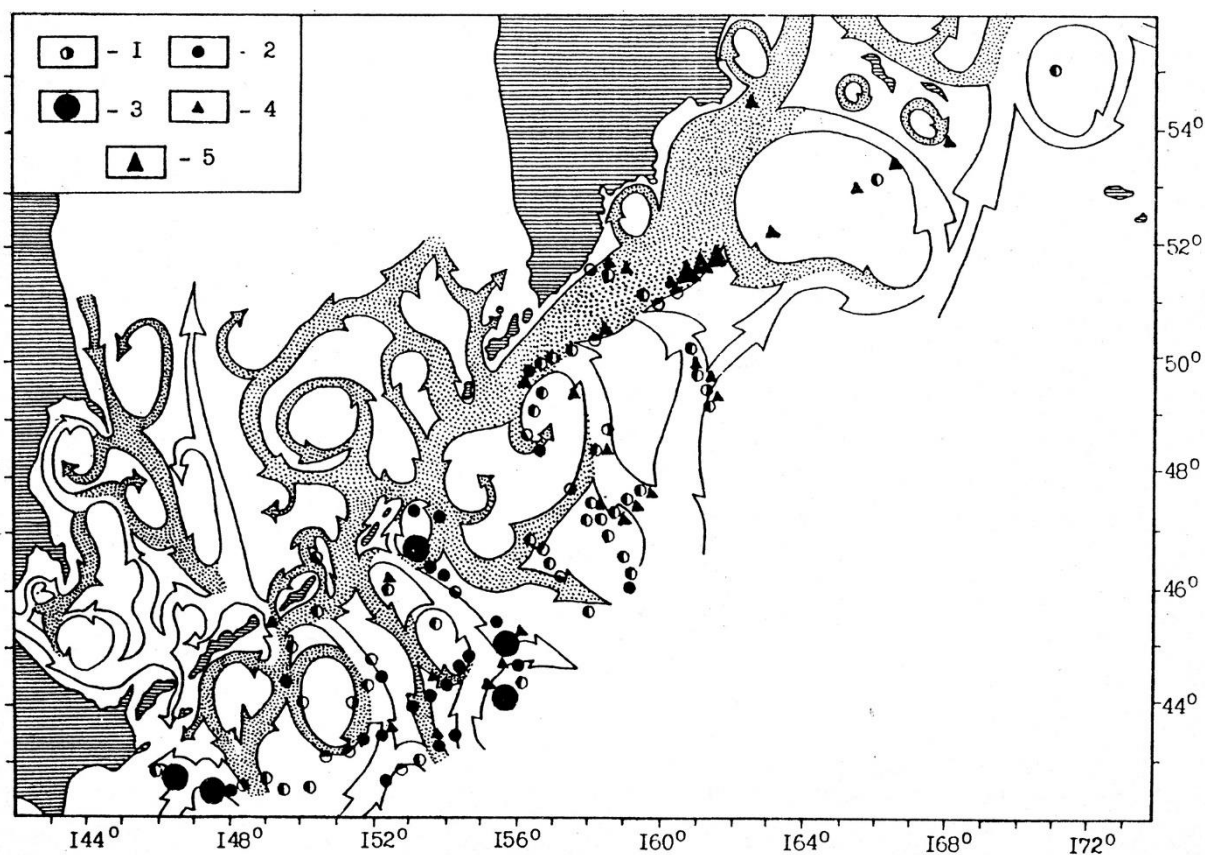

Рис. 3. Распределение северной качурки (1-3) (экз/км²) и пёстрого тайфунника (4, 5) (экз/учёт) в северо-западной части Тихого океана в июне-августе 1991 года:
7 – менее 1; 2 – 1-5; 3 – более 5; 4 – менее 5; 5 – более 5.

Столь же широкое распространение в северо-западной части Тихого океана имели серая *Oceanodroma furcata* и северная *O. leucorhoa* качурки, которые по суммарной численности уступали только буревестникам (табл. 1). Если серая качурка была весьма обычна в смежных Охотском и Беринговом морях, то северная, будучи чисто океаническим видом, абсолютно тяготела к водам океана (рис. 3).

Интересно, что почти такая же доля качурок от общей численности птиц указывается и для более восточных районов северной Пацифики. Правда, соотношение видов при этом обратное: северная качурка – 17%, серая – 7%, что подтверждает представления о «большей океаничности» первого вида (Птицы СССР 1982). Заметна разница в распределении двух видов качурок и в пределах курило-камчатских вод. В основном северная качурка концентрировалась в южной части района исследований, то есть восточнее средних и южных Курильских островов. Серая же качурка была многочисленной и в более северных районах (табл. 1).

Ещё одним фоновым и широко распространённым видом, при этом встречающимся с одинаковой частотой и в океанских водах, и в морях (табл. 1), был глупыш *Fulmarus glacialis*. На относительно одинаковом фоне количественного распределения этого вида выделялись два района более высоких концентраций: перед Четвёртым Курильским проливом со стороны океана и восточнее Малой Курильской гряды (в зоне свала глубин). В целом в океанских водах Камчатки и Курил на долю тёмной морфы глупыша пришлось 98.8%. Светлая морфа чаще встречалась в камчатско-командорском районе, где на её долю в разных участках приходилось 1-2%, а у камчатских берегов – местами до 3%. Далее на юг отдельные (доли процента) особи светлой морфы встречались только примерно в 100-мильной полосе вдоль Курильских островов вплоть до района Хоккайдо, то есть явно тяготели к зоне сточного холодного Курильского течения. Попутно замечу, что в 1960-е годы южнее широты средних Курил светлый глупыш летом не отмечался (Шунтов 1972; Птицы СССР 1982).

В связи с тем, что учёты проводились в основном за пределами мелководий, во всех районах преобладали трубконосые птицы. За исключением камчатского шельфа, где на их долю пришлось только 54.3%, во всех других районах трубконосые составляли 85.4-99.0% от общего поголовья птиц (табл. 1). При широком океаническом распространении этих птиц в целом некоторые их виды демонстрируют явную привязанность к определённым водным массам и течениям. О двух видах в таком плане уже упоминалось. Это светлая морфа глупыша, чаще встречающаяся в зоне холодных сточных течений, и северная качурка, которая мало проникает в моря и держится преимущественно в океанских районах (рис. 3). В этом смысле заслуживают упоминания также пёстрый тайфунник *Pterodroma inexpectata*, темноспинный *Diomedea immutabilis* и

черноногий *D. nigripes* альбатросы (рис. 3, 4). Пёстрый тайфунник почти не бывает в Охотском море, но в глубоководную котловину Берингова моря, куда происходит мощное поступление океанических вод, он мигрирует регулярно. В июне-июле 1991 года в небольшом количестве он встречался и в Командорской котловине Берингова моря, но основные скопления располагались в камчатско-курильском районе Тихого океана (рис. 3). В Беринговом море численность его увеличивается во второй половине лета и осенью (Шунтов 1988а).

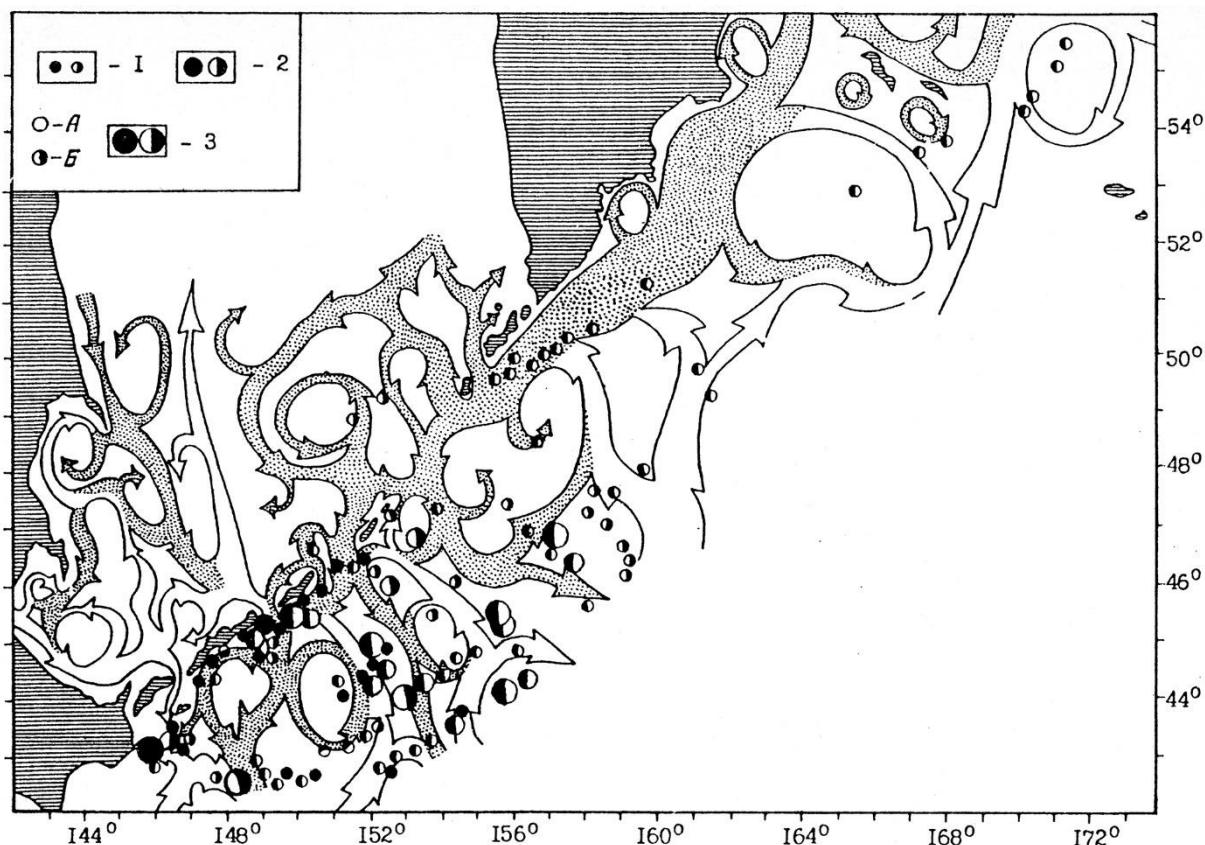

Рис. 4. Распределение черноногого (А) и темноспинного (Б) альбатросов (экз/учёт) в северо-западной части Тихого океана в июне-августе 1991 года:
1 – менее 5; 2 – 5-15; 3 – более 15.

Лишь отдельные особи темноспинного альбатроса встречены в Охотском море, более обычным он был в Беринговом море, но относительно высокую численность имел лишь в океанских водах, к тому же не севернее широты средних Курил. Черноногий альбатрос ещё больше, чем северная качурка, тяготеет к южной части района исследований и совсем не встречался в морях. На рисунке 4 хорошо видно проникновение этого вида к южным Курильским островам по ветвям тёплых вод с юга. Только на юго-восточной периферии района исследований в небольшом количестве встречен ещё один южный буревестник – Буллера *Puffinus bulleri* и 1 экземпляр тайфунника Соландра *Pterodroma solandri*. Область распространения последнего вида в северной Пацифике только примыкает к прикурильским водам с востока (Nakamura, Tanaka 1977; Tanaka

1986). Из видов южного полушария нужно назвать также южно-полярного поморника *Stercorarius maccormicki*, в небольшом количестве отмеченного в южно-курильском районе.

Как уже подчёркивалось выше, виды других групп птиц в большинстве районов наблюдений были немногочисленны. Чистиковые и чайки сравнительно обычными были только у Камчатки и южных Курильских островов, то есть в районах с довольно обширными шельфами (табл. 1). Наиболее широкое распространение из них имел топорок *Lunda cirrhata*. В камчатско-командорском районе, где топорок был наиболее многочислен, он встречался в восточном направлении (в сторону океана) до крайних точек наблюдений (рис. 5). Однако в южно-курильском районе он явно тяготеет к приостровной зоне. Сходные контуры распространения имели кайры *Uria aalge* и *U. lomvia*, обыкновенная *Rissa tridactyla* и красноногая *R. brevirostris* моевки, правда, последняя не отмечалась южнее широты средних Курил (рис. 5). Только (или в основном) в прибрежной зоне встречались остальные чайки, чистиковые и бакланы. Уже в первой половине августа по всему району наблюдений попадались редкие северные поморники, часть которых уже летела на юг. Вдоль Камчатки и Курильских островов с июля регулярно встречались стайки плавунчиков.

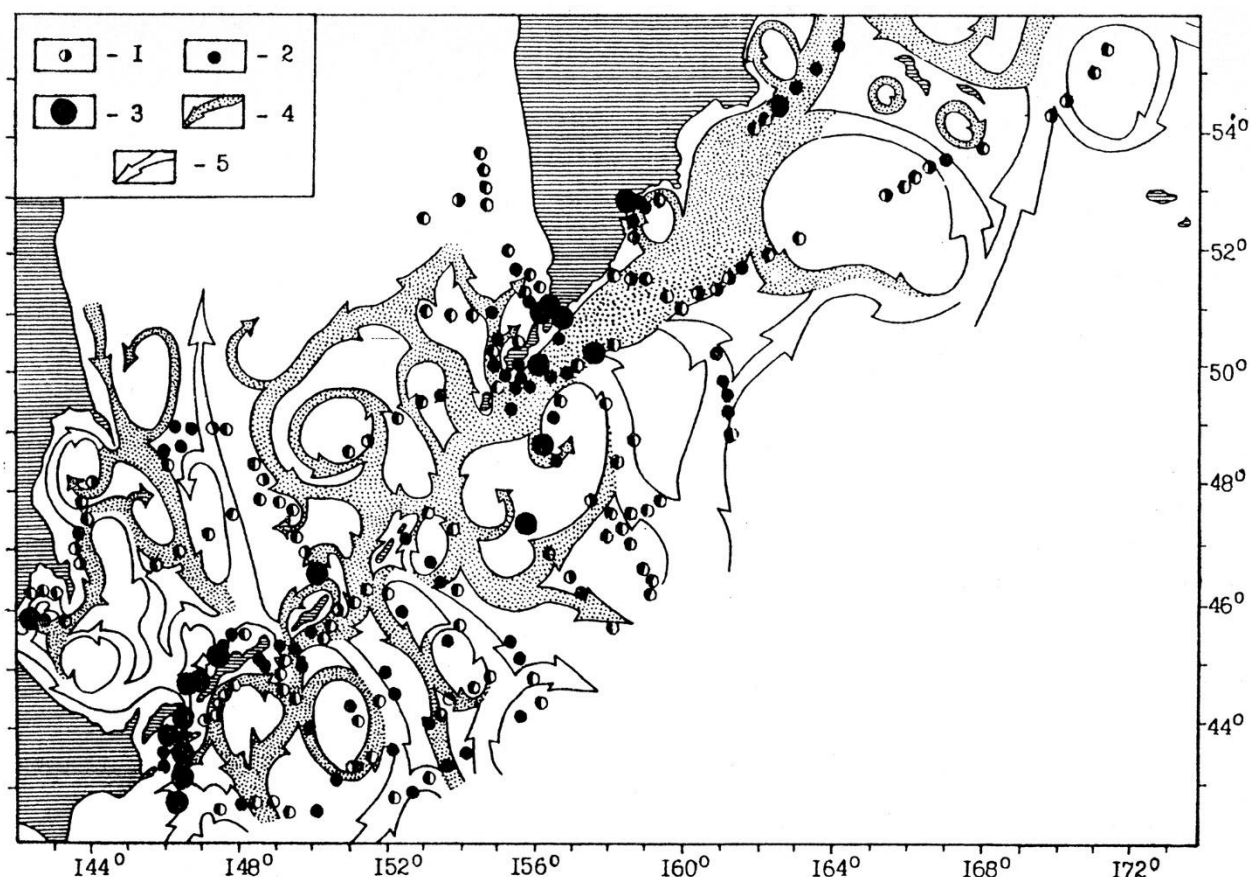

Рис. 5. Распределение топорка (1-3) (экз/км²) и красноногой моевки (4, 5) (экз/учёт) в северо-западной части Тихого океана в июне-августе 1991 года:
1 – менее 0.5; 2 – 0.5-1; 3 – более 1; 4 – менее 3; 5 – более 3.

Общее поголовье птиц в обследованном районе наблюдений (площадь около 1 млн. км²) составило 6.3 млн. особей при средней плотности 6.4 особи на 1 км². Для открытого океана между западной и восточными частями Алеутской гряды и 40°с.ш. указывается более высокая плотность – соответственно 12.0 и 7.4 ос./км² (Sanger, Ainley 1988). Эти цифры, однако, в полной мере несопоставимы с моими данными. При визуальных учётах результаты, как известно, в большой степени связаны с субъективностью наблюдателей. Поэтому более интересно в данном случае сравнить разные районы в пределах акватории, охваченной данными исследованиями, тем более что мои наблюдения сопровождались сбором количественных данных по планктону, рыбам и кальмарам.

Ранее при изучении осеннего населения птиц мною было показано, что при сравнении больших районов только в некоторых случаях работает правило «много планктона – много рыбы – много птиц» (Шунтов 1986, 1988, 1988а). Как видно из таблицы 2, о такой зависимости и в летний сезон можно говорить только в очень общем плане. Наиболее высокие средние значения плотности птиц имели место в прикурильских водах – как со стороны океана (районы 6 и 15, с плотностью 10.7 экз/км² и 11.2 экз/км²), так и Охотского моря (районы 7, 8 и 14, с плотностью 8.4, 9.9 и 31.0 экз/км²). Во всех перечисленных районах наблюдались повышенные биомассы макропланктона, а также рыб или кальмаров.

Самая низкая плотность концентраций птиц была в Командорской котловине Берингова моря. Во всех остальных океанских и охотоморских районах она имела средние значения от 3.4 до 6.5 экз/км². Биомассы же планктона, пелагических рыб и кальмаров изменялись в этих районах в довольно широких пределах (рис. 1, табл. 2).

Полученные данные в очередной раз подтверждают выводы о том, что количественное распределение морских птиц, помимо общих связей с размещением крупномасштабных биопродуктивных зон, зависит от экологической специфики видов, доступности кормовых организмов и в целом – от структуры их кормовой базы. Среди прочих факторов большое значение имеет наличие условий для формирования кормовых полей, например, накопления планктона и мелкого нектона в системе фронтов и различных циркуляционных образований (Schneider, Piatt 1986; Шунтов 1988, 1988а; Schneider 1990).

В этом плане заслуживает специальных комментариев схема распределения суммарной биомассы птиц (рис. 6). Повышенные концентрации птиц с обеих сторон Курильских островов лишь частично и даже в меньшей степени были связаны с расположением на этих островах больших птичьих колоний. Самые крупные гнездовья располагаются в основном на мелких островах средней части гряды (Велижанин 1978), а наибольшие концентрации птиц в море отмечены в водах южных и северных Курил (рис. 6). Кроме того, значительная часть птиц в этих скоплениях –

это не гнездящиеся здесь буревестники. Несомненно потому, что высокие концентрации птиц в прикурильских водах связаны с благоприятными кормовыми условиями.

Таблица 2. Плотности концентраций (ПК) морских птиц, планктона и нектона в различных районах

Группа животных	Районы							
	1	2	3	4	5	6	7	8
ПК птиц, экз/км ²	1.5	5.3	6.5	4.9	5.2	10.7	8.4	9.9
ПК птиц, кг/км ²	0.9	2.9	4.0	3.1	2.9	5.1	4.6	6.4
Численность птиц, тыс. экз.	393	127	1024	1311	1260	1602	617	346
Ныряющие птицы, %	27.6	54.1	75.5	75.8	48.9	34.6	54.8	70.5
Неныряющие птицы, %	72.4	45.9'	24.5	24.2	51.1	65.4	45.2	29.5
ПК макропланктона, т/км ²	89	155	85	72	264	264	364	168
ПК рыб, т/км ²	1.03	0.58	0.44	0.35	1.30	0.54	2.34	3.23
ПК кальмаров, т/км ²	0.25	0.15	0.34	0.01	0.41	0.19	0.44	0.09

Группа животных	Районы							
	9	10	11	12	13	14	15	16
ПК птиц, экз/км ²	6.1	4.2	–	5.6	3.4	31.0	11.2	5.6
ПК птиц, кг/км ²	1.7	2.3	–	4.6	1.6	21.8	7.8	3.2
Численность птиц, тыс. экз.	213	475	–	314	524	759	431	540
Ныряющие птицы, %	65.3	4.0	–	84.8	3.0	93.3	37.6	51.3
Неныряющие птицы, %	34.7	96.0	–	15.2	97.0	6.7	62.4	48.7
ПК макропланктона, т/км ²	81	88	175	99	98	123	157	198
ПК рыб, т/км ²	4.54	0.85	1.15	0.71	1.71	4.0	0.50	2.03
ПК кальмаров, т/км ²	0.01	0.04	0.1	0.01	0.04	0.04	0.18	0.22

Примечание. Нумерация районов – как на рисунке 1; «–» – нет данных.

В Курильских проливах, как известно, наблюдается очень сложная динамика вод. Помимо завихрений, возникающих при прохождении вод через проливы, и столкновений разнонаправленных потоков (что хорошо видно при тихой погоде даже визуально) здесь срабатывает эффект кромки шельфа и свала глубин. В образовании скоплений планктона и нектона в таких случаях особое значение имеют именно формирующиеся вдоль шельфа и свала глубин вторичные локальные фронты, а также микровихри, положение которых во многом определяется орографическим эффектом. Конечно, для птиц вряд ли может иметь существенное значение постоянное наличие у северных и южных Курильских островов скопления крупного минтая *Theragra chalcogramma*, а летом – идущих на нерест лососей (это нашло отражение в величинах биомасс рыб в таблице 2). Однако в курильских водах, кроме того, многочисленна молодь минтая, терпугов *Pleurogrammus azonus* и *P. monopterygins*, других северных видов рыб, а также кальмаров и их молоди. В южно-курильский район в летний период по тёплым потокам вод также подходят с юга

многочисленные косяки анчоуса *Engraulis japonicus*, сайры *Cololabis saira* и сардины-иваси *Sardinops sagax melanosticta*. Для последнего района вообще характерна контрастность океанологических условий, связанная с проникновением тёплых ветвей из системы Куро시오 и течения Соя из Японского моря в южную часть Охотского.

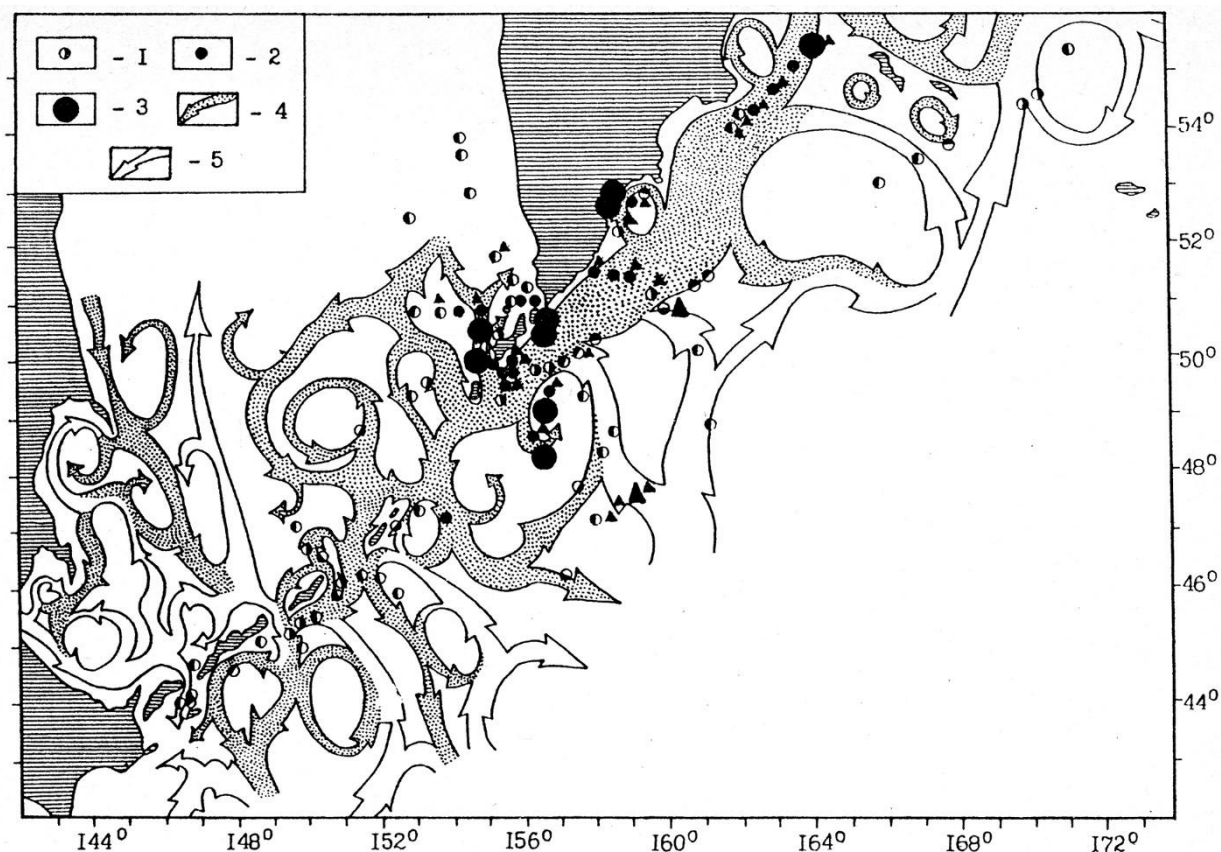

Рис. 6. Распределение биомассы (кг/км²) морских птиц в северо-западной части Тихого океана в июне-августе 1991 года: 1 – до 2; 2 – 2-20; 3 – более 20; 4 – холодные течения; 5 – тёплые течения.

В открытом океане, как можно судить по рисунку 6, также наблюдается сложная динамика вод – завихрения, разнонаправленные потоки, локальные фронты, возникающие при схождении течений разного происхождения. Однако здесь из-за больших глубин не проявляется орографический эффект, поэтому формирование кормовых полей (планктона для рыб, планктона и нектона для птиц) здесь, по-видимому, имеет менее стационарный характер. Это, в свою очередь, должно определять большую подвижность скоплений птиц, то есть их постоянное перераспределение. В среднем здесь ниже и плотность таких скоплений (рис. 6, табл. 1, 2). Тем не менее одну зону в открытом океане восточнее Курильских островов необходимо выделить. Это – фронт, формирующийся в 100-120 милях к востоку от Курил (параллельно гряде) между следующими вдоль островов и Камчатки в юго-западном направлении Камчатским и Курильским течениями и северо-восточным противотечением Ойасио. Здесь постоянно наблюдаются мигрирующие к поверхности звукорас-

сеивающие слои, состоящие из макропланктона, мелких пелагических рыб и кальмаров. На рисунке 6 увеличения биомассы птиц в этой зоне почти не просматриваются, так как основная часть птиц здесь – очень лёгкие качурки. На схемах же распределения отдельных групп птиц, например, буревестников, северной качурки и альбатросов (рис. 2, 3, 4) это хорошо видно.

В связи с тем, что о кормовых условиях морских птиц приходится судить только по данным крупномасштабных гидробиологической и траловой съёмок, затруднительно рассматривать в деталях распределение птиц в связи с их экологической и морфофункциональной спецификой. Поэтому ограничусь лишь некоторыми сопоставлениями. При анализе соотношения птиц, различающихся способом добычи корма, на примере восточной части Берингова моря было показано, что летом во внутренних районах шельфа преобладают добывающие пищу в подповерхностных слоях хорошо ныряющие кайры и буревестники, а над внешней частью шельфа – не ныряющие глупыш, моевки и качурки, в питании которых важное место занимают кальмары, медузы, гиперииды и некоторые рыбы (Schneider *et al.* 1986). Данные по сопредельным с тихоокеанскими водами Камчатки и Курил Охотскому морю и западной части Берингова моря подтверждают эту тенденцию (табл. 2). В глубоководной котловине Охотского моря (районы 10 и 13) и Командорской котловине (район 1) преобладали не ныряющие птицы – глупыш, качурки. В более прибрежных районах, напротив, выше была доля ныряющих птиц – буревестники, чистиковые. В частности, в Охотском море – это районы 7, 8, 9, 12 и 14.

В тихоокеанских водах наблюдалась иная картина. Здесь доля ныряющих видов птиц повсеместно увеличивалась в более удалённых от побережий районах (табл. 2), и связано это было с обилием в них серого и тонкоклювого буревестников, в ограниченных количествах встречающихся в глубоководных котловинах Охотского и Берингова морей. В то же время в большинстве тихоокеанских районов высокой была и доля птиц, добывающих пищу в поверхностном слое, в основном глупыша и качурок. Это даёт основания для вывода о том, что тихоокеанские воды Камчатки и особенно Курильских островов благоприятны для добычи пищи и для ныряющих, и не ныряющих птиц. Связано это, по-видимому, с обилием в данных районах, кроме макропланктона, мелких рыб (в том числе личинок и молоди) и, что очень важно для трубконосых, – мелких кальмаров. Как видно из рисунка 1, в большинстве районов северо-западной части Тихого океана доля кальмаров в нектоне верхней эпипелагиали весьма высокая. Нужно также подчеркнуть, что молодь и рыб, и кальмаров имеет ограниченный размах суточных вертикальных миграций. Благодаря этому она в течение суток оказывается доступной для ныряющих и не ныряющих видов. Нередко в океанских водах даже

в дневное время при поверхностных тралениях в оттер-тралах накапливаются большие количества мелких кальмаров и их личинок.

В связи с тем, что кормовые условия птиц решающим образом зависят от особенностей океанологического режима и динамики вод, подверженных, как известно, значительной изменчивости, естественно ожидать соответствующую межгодовую изменчивость и в распределении морских птиц. Для развёрнутого анализа этой проблемы нужны многочисленные наблюдения, поэтому сейчас есть возможность остановиться лишь на отдельных примерах.

Одним из очень стабильных районов скоплений серого и тонкоклювого буревестников летом являются воды у южного и юго-восточного побережий Сахалина и северного побережья Хоккайдо (Шунтов 1972). В июне 1991 года в районе пролива Лаперуза скопления буревестников здесь также были (рис. 2), но менее значительные, чем обычно. В связи с этим можно допустить, что очень высокая в 1991 году численность буревестников в прикурильских водах хотя бы частично была связана с их перераспределением. Кстати, судя по данным учётов Куроды (Kuroda 1955, 1960), в 1955 году в тихоокеанских водах курило-камчатского района буревестников летом было гораздо меньше, чем в 1991 году.

В 1960-е годы темноспинный альбатрос становился весьма обычным в водах восточного побережья Камчатки уже в начале лета (Шунтов 1972). В 1991 году летом он явно тяготел к более южным и более океаническим районам (рис. 4). Меньше сейчас этот вид проникает и в Охотское море. Более теплолюбивый черноногий альбатрос всегда держался более южных районов, но всё же регулярно проникал в северные участки северо-западной части Тихого океана и сопредельные воды Берингова и Охотского морей. В настоящее время здесь встречаются лишь очень редкие особи (Шунтов 1986, 1988а; рис. 4).

Пёстрый тайфунник в 1991 году наиболее многочисленным был в камчатско-командорском районе (рис. 3), то есть там же, где его встречал Курода (Kuroda 1955, 1960). В середине 1970-х годов в аналогичный сезон он здесь не был отмечен, а концентрировался в основном в центральных районах северной Пацифики (Nakamura, Tanaka 1977).

В то же время по некоторым видам результаты наблюдений Куроды в 1950-е годы и мои исследования в 1960-е довольно близки к данным лета 1991 года. В частности, это относится к обоим видам моевок, глупышу, большинству чистиковых и поморникам. К сожалению, эти давно известные данные о морском распределении птиц в северо-западной части Тихого океана почти не вошли в последние сводки (Птицы СССР 1988, 1990). В частности, в этих обобщениях большинство карт ареалов грешат неточностями.

В целом же для изучения межгодовой изменчивости численности и дислокации птиц необходимы дополнительная информация и, следова-

тельно, дальнейшие исследования. Это тем более важно для прикурильского района, отличающегося исключительно высокой изменчивостью океанологического режима, что находит отражение в известных крупномасштабных флуктуациях численности рыб и кальмаров, а следовательно, и рыбного промысла.

Л и т е р а т у р а

- Велижанин А.Г. 1978. Размещение и состояние численности колоний морских птиц на Дальнем Востоке // *Актуальные вопросы охраны природы на Дальнем Востоке*. Владивосток: 154-172.
- Птицы СССР: История изучения. Гагары, поганки, трубконосые*. 1982. М.: 1-446.
- Птицы СССР: Чайковые*. 1988. М.: 1-416.
- Птицы СССР: Чистиковые*. 1990. М.: 1-208.
- Шунтов В.П. 1972. *Морские птицы и биологическая структура океана*. Владивосток: 1-378.
- Шунтов В.П. 1986. Численность и закономерности распределения морских птиц осенью в Охотском море // *Зоол. журн.* **65**, 9: 1362-1372.
- Шунтов В.П. 1988. Численность и распределение морских птиц в восточной части дальневосточной экономической зоны в осенний период. 1. Морские птицы западной части Берингова моря // *Зоол. журн.* **67**, 10: 1538-1548.
- Шунтов В.П. 1988а. Численность и распределение морских птиц в восточной части дальневосточной экономической зоны СССР в осенний период. 2. Птицы Тихоокеанских вод Камчатки и Курильских островов // *Зоол. журн.* **67**, 11: 1680-1688.
- Kuroda N. 1955. Observations on pelagic birds of the northwest Pacific // *Condor* **57**, 5: 290-300.
- Kuroda N. 1960. Analysis of sea bird distribution in the North-west Pacific Ocean // *Pacif. Sci.* **14**, 1: 55-67.
- Nakamura K., Tanaka Y. 1977. Distribution and migration of two species of the genus *Pterodroma* in the North Pacific // *Misc. Repts Yamashina Inst. Ornithol.* **9**, 1: 112-120.
- Oka N. 1986. Observation on the emaciated and dead Short-tailed Shearwaters, *Puffinus tenuirostris*, in the North-Western Sea area of the North Pacific in 1983 // *J. Yamashina Inst. Ornithol.* **18**, 2: 63-67.
- Sanger G.A., Ainley D.G. 1988. Review of the distribution and feeding ecology of seabirds in the oceanic subarctic North Pacific Ocean // *Bull. Ocean. Res. Inst. Univ. Tokyo* **1**, 26: 161-186.
- Schneider D.C. 1990. The role of fluid dynamics in the ecology of marine birds // *Oceanography et Marine Biology: an Annual Review* **29**: 1-85.
- Schneider D.C., Hunt G.L.Jr., Harrison N.M. 1986. Mass and energy transfer to seabirds in the southeastern Bering Sea // *Continental Shelf Res.* **5**, 1/2: 241-257.
- Schneider D.C., Piatt J.F. 1986. Scale dependent correlation of seabirds with schooling fish in a coastal ecosystem // *Marine Ecol. Progr. Ser.* **32**, 2/3: 237-246.
- Tanaka Y. 1986. Distribution and migration of the Solander's petrel *Pterodroma solandri* in the North Pacific in relation to sea surface water temperatures // *J. Yamashina Inst. Ornithol.* **18**, 2: 55-62.

Кулики нижнего и среднего течения реки Полуй

И.Г.Коробицын, О.Ю.Тютеньков, А.С.Панин,
А.В.Баздырев, Д.О.Замятин

*Второе издание. Первая публикация в 2016**

В орнитологическом плане бассейн реки Полуй, в отличие от других рек Ямало-Ненецкого автономного округа, обследован в меньшей степени. Кулики данной территории упомянуты в ряде работ (Бойков 1965; Тertiцкий и др. 1999), однако некоторые сведения в значительной степени устарели. Нами приводятся дополнения и обобщения о составе и распространении куликов в нижнем и среднем течении реки Полуй в северной части подзоны северной тайги, граничащей с лесотундрой. Учёты проведены в 2006-2007 годах в рамках работ по инвентаризации орнито-населения реки Полуй при финансовой поддержке фонда «Стерх».

В 2006 году наблюдения проводили в нижнем течении Полуя: первый ключевой участок находился в районе реки Сэмсоим – притоке Горного Полуя (примерно в 70 км юго-восточнее Салехарда по реке, 66°23'37" с.ш., 67°18'04" в.д.) с 18 по 27 июня. Второй участок располагался в районе облесённого острова Ерхолшай (66°16'09" с.ш., 67°35'04" в.д.), примерно в 40 км выше по течению от первого участка и в 110-120 км юго-восточнее Салехарда, учёты проведены в период с 28 июня по 10 июля.

Среднее течение реки Полуй обследовали в 2007 году. Первый участок находился на левом берегу Полуя (66°19'30" с.ш., 67°38'16" в.д.) в районе бывших посёлков Растущий и Бараки Поречья с 5 по 8 июня. Вторая точка располагалась в устье Новосельской курьи (65°57'58" с.ш., 68°45'42" в.д.) в 120 км выше по течению от первой и в 220 км по реке юго-восточнее Салехарда, учёты в районе участка проводили с 9 по 15 июня. Третий участок располагался в районе метеостанции Полуй (66°02'12" с.ш., 68°40'09" в.д.), в 20 км ниже по течению от Новосельской курьи, наблюдения проводили с 16 по 19 июня.

Периоды исследований охватывали период размножения, а в 2007 году также захватили частично миграцию. Обследованы разные группы биотопов: леса (редко-лесья, смешанные и хвойные), болота (осоко-мочажинные, зелёно- и беломошные тундроподобные), озёра (прирусловые, болотные, вдоль дорог), водотоки (крупные и мелкие реки и протоки). Учёты на водоёмах проводились с лодки, движущейся с низкой скоростью, на крупных озёрах – по периметру. Затем встреченные птицы пересчитывались на длину всей береговой линии. На реках и протоках в зависимости от ширины русла птицы пересчитывались либо на длину пройденного маршрута (если из-за большой ширины реки просматривался лишь один берег), либо на удвоенную длину маршрута (если хорошо просматривались птицы на обоих берегах), как это принято у многих исследователей (Равкин 2000). На придорожных водоёмах вдоль заброшенной железной дороги, озёрах на болотах учёты проводили

* Коробицын И.Г., Тютеньков О.Ю., Панин А.С., Баздырев А.В., Замятин Д.О. 2016. Население куликов нижнего и среднего течения р. Полуй (ЯНАО) // *Вопросы экологии, миграции и охраны куликов Северной Евразии*. Иваново: 186-191.

пешком. Обилие птиц для водоёмов пересчитывали на число особей на 10 км береговой линии. В лесных биотопах применяли методику Ю.С.Равкина (1967). В открытых биотопах использовали маршрутный учёт в фиксированной полосе, поскольку некоторые виды куликов регистрируются, как правило, близко, практически взлетая из-под ног. Три учётчика охватывали полосу шириной от 50 до 100 м (в зависимости от биотопа) и длиной несколько километров. В последующем проводили экстраполяцию птиц в этой полосе на площадь в 1 км².

Крупные виды куликов, хорошо просматриваемые в открытых биотопах, учитывались на площадках, заложенных по карте. Площадки от 20 га до нескольких квадратных километров обходились тремя учётчиками либо широким фронтом (до 50 м друг от друга), либо зигзагообразным маршрутом покрывая всю учётную площадь. На болотах с озёрами результаты площадного учёта куликов пересчитывали на всю учётную площадь болота, включая озёра. В лесах и на болотах, несмотря на разные подходы в учётах, обилие птиц приводим на 1 км². Для оценки количественной степени преобладания куликов в тех или иных биотопах использовали следующие категории оценки. К многочисленным относили виды, численность которых в орнитонаселении составляла более 10%, к обычным – от 1 до 10%, к редким – менее 1% от общего числа всех видов птиц.

В 2007 году с 5 по 16 июня проводили также 2-часовые утренние и вечерние учёты мигрирующих птиц с наблюдательных пунктов (НП). НП располагались на берегу основного русла реки Полуй в районе 1 и 2 участков. Миграцию оценивали по методике, принятой в Среднеазиатско-Западносибирском регионе (Гаврилов 1975). Всех куликов, за исключением мелких песочников, учитывали в полосе шириной 1 км. Учёт песочников вели в 150-метровой полосе. Основным количественным показателем, характеризующим миграцию, являлась средняя интенсивность пролёта (число особей за 1 ч в расчёте на 500-метровую полосу). Отработано 30 ч на НП. Дополнительно в районе ключевых участков в миграционный период учитывали птиц на маршрутах и площадках, сопоставляя данные с видимым пролётом.

Всего встречено 20 видов куликов, данные о которых приводим ниже.

Тулес *Pluvialis squatarola*. Встречен только в нижнем течении. Три пролётных особи видели на тундровом участке 21 июня 2006 в районе озера Лангкарлор. Редкость тулеса для этой территории подтверждают и другие авторы (Тертицкий и др. 1999, Швец, Бригадирова 2007).

Галстучник *Charadrius hiaticula*. Встречен лишь однажды в среднем течении, где 19 июня 2007 на обширном тундроподобном болоте (66°07' с.ш., 68°22' в.д.) видели пару птиц. Гнездование возможно, но не подтверждено. Ранее в бассейне Полуя галстучника добывали во второй половине июля и первой декаде августа 1939 года; тушки хранятся в зоологическом музее Томского университета (ТГУ) (Гынгазов, Миловидов 1977).

Малый зуёк *Charadrius dubius*. Единственная встреча – 18 июня 2006 в районе пристани Салехарда на песчано-галечной отмели.

Фифи *Tringa glareola*. Самый многочисленный кулик в нижнем и среднем течении Полуя. Найдены гнёзда во всех обследованных биотопах. В одном из гнёзд в лесу рядом с берегом озера в районе острова Ерхолпай 10 июля 2006 начинался проклёв яиц. Отмечено, что обилие фифи в среднем течении Полуя выше, по сравнению с нижним тече-

нием для аналогичных биотопов. Так, на озёрах поймы в нижнем течении обилие фифи составляло в июне-июле 1.4-8.0 ос./10 км, в среднем течении – 4.5-11.4 ос./10 км. Плотность в лесных биотопах составляла от 4.3 до 10 ос./км² для нижнего течения Полуя и 9.4-22.2 ос./км² – для среднего. На тундроподобных болотах – 11.1-12.5 и 10.7-26.7 ос./км² соответственно. Заметно большее обилие – 45.2 ос/км² –наблюдалось на сыром осоко-мочажинном болоте рядом с островом Ерхолпай в июле 2006 года, что, возможно, характеризует наиболее оптимальные станции для вида. Высокое обилие фифи – 48.6 ос./10 км – на пойменных озёрах 6 июня 2007 связано в первую очередь с миграционной активностью, наблюдавшейся в этот день у куликов, что подтверждалось наблюдением за видимой миграцией. Прилёт при этом отмечен 5 июня. На реках различий в обилии фифи между нижним и средним течением не выявлено: везде 0.1-0.4 ос./10 км.

Большой улит *Tringa nebularia*. Немногочисленный кулик в нижнем течении. На одном из водоёмов возле железной дороги 20 июня проявлял гнездовое беспокойство. Через несколько дней встречен там же. На придорожных водоёмах обилие составляло 2.5 ос/10 км. На маршруте по реке Полуй отмечались одиночные птицы (0.1 ос/10 км). В среднем течении большой улит также редок – единственный раз встречен на зеленомошном болоте с озёрами северо-западнее метеостанции Полуй 16 июня 2007. Дополнительным доказательством гнездования этого вида служит тушка молодой особи, добытой 5 августа 1939 в 220 км от устья Полуя, хранящаяся в зоологическом музее ТГУ.

Щёголь *Tringa erythropus*. Неразмножающиеся единичные особи встречались изредка на тундроподобных участках болот в нижнем течении (0.4-3.5 ос/км²). Гнездование не подтверждено. В среднем течении пролётную пару щёголей отметили 11 июня 2007. На зеленомошном с осокой болоте напротив Новосельской курьи встречена 1 особь 14 июня 2007, вероятно, пролётная.

Перевозчик *Actitis hypoleucos*. Встречался по берегам основного русла и проток реки Полуй. Гнездится. Обилие в нижнем течении на небольших протоках было выше (0.5-0.9 ос./10 км), чем на самом Полуе – 0.1 ос./10 км. Обилие перевозчика в среднем течении Полуя составляло 0.1-0.7 ос./10 км. В 2007 году прилёт перевозчиков зарегистрирован 6 июня. Пролёт с небольшой интенсивностью – в среднем 0.5 ос./ч – проходил до конца второй декады месяца.

Мородунка *Xenus cinereus*. В нижнем течении один из наиболее обычных куликов: обилие на Полуе и его протоках – 0.9-4.8 ос/10 км, озёрах – 2.9-10 ос./10 км и болотах – 4.7 ос/км². Гнездится. На одном из «тундровых» участков гнездо найдено в остатках мусора стоянки человека. В среднем течении Полуя обилие мородунки на реке составляло 0.5 ос./10 км., на озёрах – 1.4-11.4 ос./10 км., на болотах – 2.2-5.3 ос./км².

Прилёт отмечен 6 июня 2007. Пролёт проходил со средней интенсивностью 0.6 ос./ч в 500-метровой полосе.

Круглоносый плавунчик *Phalaropus lobatus*. В среднем течении в 2007 году отмечена дата появления – 12 июня. Видимый пролёт на НП был не выражен, но хорошо отмечался по изменениям численности плавунчиков на сырых болотах, где 14 июня в районе Новосельской курьи наблюдались стаи из десятков птиц (35 ос./км²). Отдельные пары и группы птиц (максимально до 13 особей) наблюдались на озёрах болот и на реке до 20 июня. В нижнем течении Полуя был редок. Одна пролётная особь отмечена 27 июня в «тундре» в районе реки Сэмсоим. Гнездование не подтверждено.

Турухтан *Philomachus pugnax*. В нижнем течении Полуя единственная встреча 2 турухтанов (видимо, пролётных) зарегистрирована на тундровом участке в районе озера Лангкарлор 20 июня 2006 (окрестности ключевого участка в районе реки Сэмсоим). В 2007 году зарегистрировано появление турухтана – 5 июня. На следующий день вслед за потеплением наблюдался максимум интенсивности видимого пролёта; ещё один пик пролёта отмечали 11-12 июня. После 17 июня турухтан перестал попадать в учёты. Подтверждением затухания пролёта являются резкое снижение его обилия на болотах: так, 12 июня плотность составляла 100 ос./км², 14 июня – 17.9 ос./км², 17 июня – 2.7 ос./км². В целом турухтан – самый многочисленный из мигрирующих куликов в среднем течении Полуя. Гнездование не подтверждено.

Кулик-воробей *Calidris minuta*. В нижнем течении Полуя в 2006 году не встречен. В среднем отмечали слабо выраженный пролёт. Так, в районе Новосельской курьи 11 июня отмечена 1 особь, сидевшая на грязевой отмели, а 14 июня на лужах зеленомошного болота в районе этого же участка встречены 2 кулика-воробья.

Белохвостый песочник *Calidris temminckii*. Для нижнего течения не отмечен. В среднем течении одна особь встречена впервые на пролёте 9 июня 2007, а 11 июня стайку из 7 песочников встретили вместе с куликом-воробьём (см. выше). 12-14 июня на болотах в районе Новосельской курьи встречали стайки песочников от 3 до 40 особей, точно не определенных до вида, вероятно, также кулик-воробей совместно с белохвостым песочником. Позже не регистрировали.

Гаршнеп *Limnospiza minimus*. В нижнем течении Полуя встречался редко, отмечен на болотах (2.7-4.7 ос./км²). В среднем течении Полуя обычен, первый раз ток отмечен 12 июня 2007. Кроме болот, где гаршнеп отмечен в районе всех ключевых участков (2.7-6.7 ос./км²), он встречен также в редколесьях около метеостанции Полуи (2.2 ос./км²) и по берегам озёр (2.9-4.5 ос./10 км).

Бекас *Gallinago gallinago*. Для нижнего течения обычен в пойме и на болотах. Гнездится. Наибольшее обилие бекаса отмечалось на осоко-

мочажинном болоте – 19.4 ос./км². По берегам крупных озёр этот вид достаточно редок (2.0 ос./10 км), так же как и на тундроподобных болотах (3.4 ос./км²). В среднем течении более обычен. Ток слышали 5 июня, что, видимо, соответствовало его началу, так как в предшествующий период погода была холодная, с осадками в виде снега. Обилие на озёрах составляло 2.7-18.6 ос./10 км, на болотах – 2.7-5.7 ос./км²; 14 июня на краю болота рядом с небольшой гривой леса в районе Новосельской курьи найдена неполная кладка из 2 яиц. Отмечали бекаса также в заболоченных редколесьях в районе метеостанции Полуй – 10.2 ос./км².

Азиатский бекас *Gallinago stenura*. В нижнем течении в 2006 году нами не встречен, хотя В.Н.Бойков (1965) отмечал азиатского бекаса как обычный вид. Для среднего течения по численности сопоставим с обыкновенным бекасом, но встречался в иных станциях (лесах и сухих болотах). Ток впервые слышали 6 июня 2007. Из болот встречен только на беломошно-тундроподобных (4.4 ос./км²), по берегам пойменных озёр – 2.9 ос./10 км, в редколесьях – 2.9 ос./км², и более всего в смешанных лесах в районе Новосельской курьи – 9.5-22.2 ос./км².

Вальдшнеп *Scolopax rusticola*. Встречен только в среднем течении Полуя, что соотносится с увеличением облесённости местности. Первую тягу слышали 8 июня 2007. Обычен, но встречен не на всех участках. В смешанном лесу в районе Новосельской курьи – 6.7 ос./км². В 1980-е годы в среднем течении находили кладку (Тертицкий и др. 1999).

Большой кроншнеп *Numenius arquata*. Статус не ясен. В нижнем течении Полуя на большом тундровом участке с крупными озёрами 6 июля 2006 встретили 4 птиц. В среднем течении в 2007 году нами не встречен, однако в 2006 году был отмечен на территории Полуйского заказника (Швец, Бригадирова 2007).

Средний кроншнеп *Numenius phaeopus*. В нижнем течении Полуя один из самых обычных куликов после фифи и мородунки. Несомненно, гнездится по тундроподобным бугристым болотам (2.9-11.7 ос./км²). На придорожных водоёмах был обычен (15 ос./10 км), на сыром осоковом болоте не встречен. В.Н.Бойковым (1965) не регистрировался, лишь предполагалось его пребывание на территории, тогда как большой кроншнеп отмечался как многочисленный. Нами наблюдалась обратная картина. В среднем течении этот вид отмечался существенно реже, чем в нижнем. На тундроподобном беломошном крупнобугристом болоте на левом берегу напротив протоки Сармикъяха, ниже по течению от посёлка Янгиеган, обилие составляло 2.2 ос./км². На пролёте средний кроншнеп регистрировался с 6 по 9 июня 2007, всего за 14 ч наблюдений в эти дни отмечено 7 птиц.

Большой веретенник *Limosa limosa*. В нижнем течении не регистрировали. В среднем течении в 2007 году, напротив, этот вид был довольно обычен и встречен на всех болотных участках (2.9-10.7 ос./км²) и

озёрах поймы (5.5-17.1 ос./10 км), за исключением расположенных далеко от русла Полуя. В среднем течении этот вид регистрировали годом ранее (Швец, Бригадирова 2007).

Малый веретенник *Limosa lapponica*. Отмечен только в нижнем течении. Встречается реже среднего кроншнепа и в тех же биотопах – тундроподобных болотах. Гнездится. Одиночная птица встречена также на небольшом озере среди осоко-мочажинного болота, прилегающего к острову Ерхолпай. На болотах обилие составляло 0.6-5.1 ос./км².

Дополнительно к приведённым сведениям упомянем виды, не встреченные нами. Так, в Полуйском заказнике в июле 2006 года отмечены золотистая ржанка *Pluvialis apricaria*, чернозобик *Calidris alpina* и грязовик *Limicola falcinellus*, гнездование которых не подтверждено, но возможно (Швец, Бригадирова 2007). О гнездовании золотистой ржанки и других птиц «тундрового комплекса» на бугристых болотах Полуя указывала и И.В.Покровская (Покровская 1986, Тertiцкий и др. 1999). Расположение таких биотопов на территории крайне неравномерное и локальное, что представляет несомненный интерес. Из других видов следует упомянуть кулика-сороку *Haematopus ostralegus*, который единично встречается на Полуде, статус его не ясен (Бойков 1965; Рябицев, Тарасов 1997).

Сравнение наших наблюдений по фенологии куликов с данными В.Н.Бойкова (1965) показало, что сроки прилёта, массового пролёта и гнездования за 40-летний период не изменились. Это говорит об известном постоянстве фенологических фаз в жизненном цикле куликов, обитающих в северных широтах, несмотря на мнение о глобальных климатических изменениях.

Л и т е р а т у р а

- Бойков В.Н. 1965. Материалы по фенологии птиц северной лесотундры (низовья р. Полуя) // *Экология позвоночных животных Крайнего Севера*. Свердловск: 111-140.
- Гаврилов Э.И. 1975. О количественной характеристике видимых миграций птиц // *Материалы Всесоюз. конф. по миграциям птиц*. М., 1: 51-55.
- Гынгазов А.М., Миловидов С.П. 1977. *Орнитофауна Западно-Сибирской равнины*. Томск: 1-352.
- Покровская И.В. 1986. Летнее население птиц крупнобугристых болот Обь-Енисейского междуречья // *Изучение птиц СССР, их охрана и рациональное использование*. Л., 2: 152-153.
- Равкин Ю.С. 1967. К методике учёта птиц в лесных ландшафтах // *Природа очагов клещевого энцефалита на Алтае (северо-восточная часть)*. Новосибирск: 66-75.
- Равкин Ю.С. 2000. О некоторых ошибках использования метода учёта птиц Гайна-Равкина // *Экология и рациональное природопользование на рубеже веков. Итоги и перспективы*. Томск, 1: 162-163.
- Рябицев В.К., Тарасов В.В. 1997. К фауне птиц низовьев р. Полуй // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 125-126.

- Тертицкий Г.М., Покровская И.В., Жуков В.С., Вартапетов Л.Г. 1999. Распределение и численность гнездящихся куликов Ямало-Ненецкого автономного округа // *Гнездящиеся кулики Восточной Европы*. М., 2: 14-29.
- Швец О.В., Бригадирова О.В. 2007. Встречи малочисленных видов птиц на территории Полуйского заказника // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 271-274.

ISSN 1026-5627

Русский орнитологический журнал 2021, Том 30, Экспресс-выпуск 2116: 4415-4418

Черноголовая чайка *Larus melanocephalus* в Среднем Поволжье

А.Н.Москвичёв

Второе издание. Первая публикация в 2013*

В пределах территории бывшего СССР основная часть области гнездования черноголовой чайки *Larus melanocephalus* ограничена северным и северо-восточным побережьями Чёрного моря. С начала 1970-х годов наметилась тенденция расселения вида на восток. Черноголовая чайка закрепилась на Молочном лимане Азовского моря, в большом количестве стала гнездиться на озере Маныч-Гудило, Чограйском водохранилище и Меклетинских озёрах (Зубакин 1988; Юдин, Фирсова 2002). В конце 1980-х годов черноголовая чайка появилась на гнездовании на Нижнем Дону, Цимлянском водохранилище и Сарпинских озёрах (Чернобай 2004). В 1989 году колония данного вида впервые была обнаружена на Каспийском море – на острове Пеликаний на азербайджанской территории (Патрикеев 2004).

В центральной части России регулярное гнездование нескольких пар черноголовых чаек отмечают с 1993 года в Московской области, где этот вид впервые был зарегистрирован в 1982 году (Харитонов 1986; Зубакин 2001а,б).

В период миграций черноголовые чайки и их группы нередко появляются за пределами ареала. С конца XX века известны залёты отдельных птиц в Рязанскую, Нижегородскую, Калининградскую, Кировскую, Ленинградскую и Липецкую области (Котюков, Лавровский 1998; Бакка 1999; Гришанов 2000; Сотников 2002; Ковалев, Смирнов 2004; Сарычев 2012). Регистрировали черноголовых чаек во время послегнездовых кочёвок и миграций на дагестанском побережье и в других районах Прикаспия (Русанов 2011).

* Москвичёв А.Н. 2013. Черноголовая чайка в Среднем Поволжье // *Бутурлинский сборник: Материалы 4-х Международ. Бутурлинских чтений*. Ульяновск: 200-203

В Нижнем Поволжье летующие черноголовые чайки встречаются в летний период на волжских островах Волгоградского водохранилища, озёрах и лиманах Заволжья (Чернобай 2004). В Володарском районе Астраханской области 30 ноября 1974 найдена черноголовая чайка, помеченная в июне того же года на острове Орлов в Черноморском заповеднике (Ардамацкая 2007). Кроме того, вид зарегистрирован 11 мая 2002 на большом пресном ильмене у села Михайловка, расположенном в западном ильменно-бугровом районе Астраханской области (Русанов 2011).

В Среднем Поволжье черноголовая чайка впервые обнаружена в мае 1998 года в Самарской области в Сусканском рыбхозе (Ставропольский район). Две пары этих птиц гнездились в колонии озёрных чаек *Larus ridibundus* около села Верхний Сускан. В гнезде одной пары находилось яйцо, гнездо другой ещё только строилось (И.В.Карякин, устн. сообщ.). 25 апреля 1999 и 3 мая 2000 одиночных особей (в первом случае молодую птицу в первом брачном наряде) наблюдали в Сусканском рыбхозе, однако доказать гнездование не удалось (Т.О. Барабашин, О.В.Бородин, устн. сообщ.). В Саратовской области известна регистрация двух черноголовых чаек 6 мая 2000 в окрестностях села Нива на юго-востоке саратовского Заволжья. Кроме того, недалеко от границ с Саратовской областью в Старополтавском районе Волгоградской области на пруду в селе Салтово 1 мая 2002 отмечена пролётная стая из 24 птиц (Завьялов и др. 2007). В Чувашии 28 мая 2006 две взрослые черноголовые чайки в летнем перье встречены в рыбхозе «Карамышевский» в Козловском районе. Птицы держались в смешанном скоплении сизых *Larus canus*, озёрных чаек и хохотуний *Larus cachinnans* (Исаков, Яковлев 2008). В Ульяновской области взрослая птица в брачном перье встречена 28 апреля 2012 среди скопления из 20-30 озёрных чаек, державшихся на волноломе и насыпных пляжах Куйбышевского водохранилища около Ульяновского речного порта в областном центре (см. рисунок).

Черноголовая чайка *Larus melanocephalus* на Куйбышевском водохранилище около Ульяновского речного порта. 28 апреля 2012.

Анализ встреч черноголовых чаек в Среднем Поволжье показывает, что все наблюдения вида приурочены к бассейну Волги. По всей видимости, небольшая часть птиц, прилетающих в гнездовые колонии в южных областях России, долетает до Поволжья и продолжает подниматься вверх по каскаду волжских водохранилищ. Большинство встреч черноголовых чаек в Среднем Поволжье приходится на конец апреля – начало мая. При этом до устья реки Камы и севернее они долетают к середине мая. Как правило, вид отмечали в скоплениях озёрных чаек, как мигрирующих, так и уже приступающих к гнездованию в составе крупных колоний. В настоящее время черноголовая чайка – это залётный вид региона, при этом на отдельных территориях (Сусканский рыбхоз на севере левобережной части Самарской области) возможно спорадическое гнездование отдельных пар. Следует заметить, что западнее Поволжья случайные мигранты поднимаются на север от основных мест размножения более широким фронтом, однако примерно в те же сроки.

Области зимовок черноголовых чаек расположены преимущественно в бассейнах Средиземного и Чёрного морей (Юдин, Фирсова 2002).

Л и т е р а т у р а

- Ардамацкая Т.Б. 2007. Причина появления черноголовой чайки *Larus melanoccephalus* на гнездовании в Краснодарском, Ставропольском краях и на Каспии // *Рус. орнитол. журн.* **16** (340): 49-54.
- Бакка С.В. 1999. О залёте черноголовой чайки *Larus melanoccephalus* в Нижегородскую область // *Рус. орнитол. журн.* **8** (58): 8-9.
- Гришанов Г.В. 2000. Калининградская область // *Ключевые орнитологические территории России. Т. 1. Ключевые орнитологические территории международного значения в Европейской России.* М.: 117-123.
- Завьялов Е.В. и др. 2007. *Птицы севера Нижнего Поволжья: Состав орнитофауны.* Саратов, **3**: 1-328.
- Зубакин В.А. 1988. Черноголовая чайка // *Птицы СССР. Чайковые.* М.: 77-85.
- Зубакин В.А. (2001а) 2014. Необычное гнездование чаек и крачек в Московской области в 1998 и 1999 годах // *Рус. орнитол. журн.* **23** (1042): 2720-2724.
- Зубакин В.А. (2001б) 2014. Об орнитологических находках и гнездовании редких видов птиц в Московской области в 1996-2000 годах // *Рус. орнитол. журн.* **23** (1043): 2748-2753.
- Исаков Г.Н., Яковлев В.А. (2008) 2019. Орнитологические находки в Чувашии в 2006-2007 годах // *Рус. орнитол. журн.* **28** (1824): 4417-4419.
- Ковалев В.А., Смирнов А.П. 2004. Встречи новых для юго-восточного Приладожья птиц // *Рус. орнитол. журн.* **13** (254): 198-199.
- Котюков Ю.В., Лавровский В.В. 1998. Фаунистические находки в Рязанской области // *Рус. орнитол. журн.* **7** (33): 20-21.
- Патрикеев М.В. 2004. Первая гнездовая находка черноголовой чайки *Larus melanoccephalus* на Каспийском море в Азербайджане // *Рус. орнитол. журн.* **13** (255): 244-245.
- Русанов Г.М. 2011. *Птицы Нижней Волги.* Астрахань: 1-390.
- Сарычев В.С. 2012. Встречи черноголовой чайки *Larus melanoccephalus* в Липецкой области // *Рус. орнитол. журн.* **21** (748): 857-859.
- Сотников В.Н. 2002. *Птицы Кировской области и сопредельных территорий. Т. 1. Не-воробыиные. Ч. 2.* Киров: 1-528.

- Харитонов С.П. (1986) 2020. Залёты белощёкой крачки *Chlidonias hybrida* и черноголовой чайки *Larus melanocephalus* в Московскую область // *Рус. орнитол. журн.* **29** (1984): 4762.
- Чернобай В.Ф. 2004. Черноголовая чайка // *Красная книга Волгоградской области*. Т. 1. Животные. Волгоград: 137.
- Юдин К.А., Фирсова Л.В. 2002. *Фауна России и сопредельных стран. Птицы. Том II, вып. 2. Ржанкообразные Charadriiformes. Часть 1. Поморники семейства Stercorariidae и чайки подсемейства Larinae*. СПб.: 1-667.

ISSN 1026-5627

Русский орнитологический журнал 2021, Том 30, Экспресс-выпуск **2116**: 4418-4421

Эталоны природы Охотско-Колымского края

А.В.Андреев

Александр Владимирович Андреев. Институт биологических проблем Севера ДВО РАН.
Магадан, Россия

*Второе издание. Первая публикация в 2016**

Эталонами природы будем называть участки местности, сохраняющие не нарушенное или обратимо нарушенное хозяйственной деятельностью состояние естественных ландшафтов, а также поддерживаемое ими биологическое разнообразие – типичное, эндемичное и уникальное. Исторической экологией – историю народного хозяйства, описываемую через скорость и масштабы изменения природной среды региона. Охотско-Колымским краем – территорию, охватывающую прибрежную полосу Охотоморского побережья и бассейн Верхней Колымы в административных границах современной Магаданской области (приблизительно 500 тыс. км² земной поверхности) (Андреев 2013).

До начала 1930-х годов состояние большинства бассейнов и побережий региона было близко к эталонному. Однако с тех пор качество природной среды испытало изменения, характерные для эпохи пионерного освоения суровых окраин нашей страны. Вследствие этого значительные площади региона утратили свою изначальную природную ценность. Развитие территории в направлении более цивилизованного состояния выдвигает задачи развития технологий щадящего природопользования, а также идентификации и зонирования территорий, сохраняющих повышенную природоохранную ценность, включая рекреационный потенциал. Существующая в регионе сеть особо охраняемых природных территорий (ООПТ) сложилась к середине 1980-х – началу 1990-х годов,

* Андреев А.В. 2016. Эталоны природы Охотско-Колымского края // *Геология, география, биологическое разнообразие и ресурсы Северо-Востока России. Материалы 3-й Всерос. конф., посвящ. памяти А.П.Васьковского и в честь его 105-летия*. Магадан: 213-215.

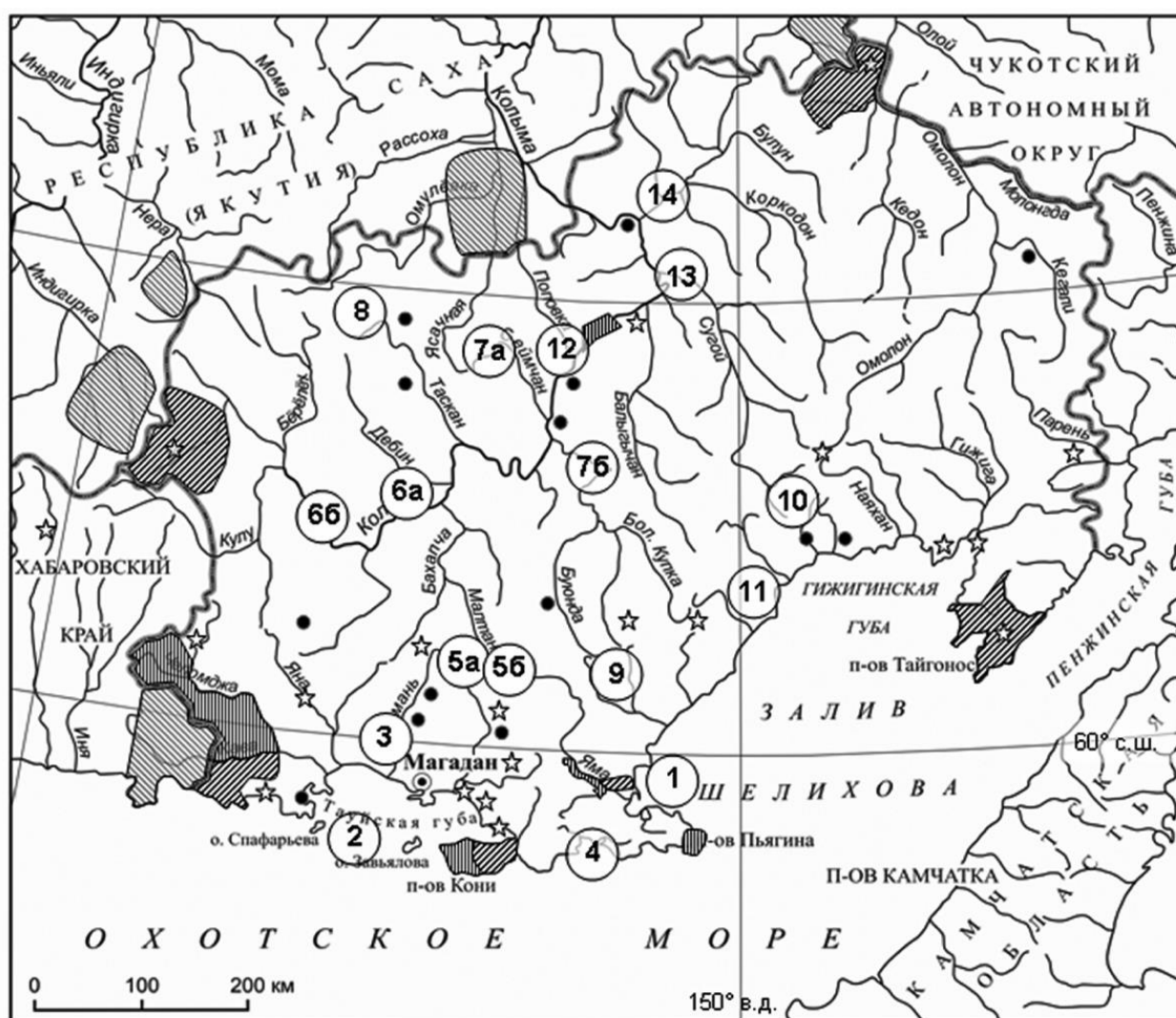
когда был частично реализован «план А.П.Васьковского» по созданию Магаданского заповедника, а к нескольким заказникам регионального значения был добавлен памятник природы федерального значения «Остров Талан». С тех пор сеть застыла во времени, местами деградировала и не обеспечивает решения перспективных задач. По сравнению с соседними регионами – Камчаткой, Якутией, Хабаровским краем и даже Чукоткой, золотоносная и промышленно развитая Магаданская область выглядит в природоохранном плане дремлющим захолустьем.

За 80 лет промышленного освоения региона (1932-2012) из его недр было извлечено около 3 тыс. т золота, причём на 9/10 это был металл, полученный из россыпных месторождений. По мере их истощения сокращалось содержание металла в «песках», падал объём годовой добычи. Масса отвалов пустой породы и «хвостов» золотодобычи, напротив, неуклонно нарастала. Результатом этой деятельности стало масштабное разрушение речной сети во всей юго-восточной части Яно-Колымской золотоносной провинции. Суммарная площадь видимых из космоса карьеров и отвалов к 2012 году достигла 1550 км², а суммарная протяжённость полностью разрушенных водотоков составила 3.7 тыс. км. Как известно, таликовые* поймы формируют каркас горно-таёжного ландшафта. При их деградации «обнуляется» биотический потенциал на площади, в 10-15 раз превышающей площадь самой поймы. По этой причине около 1/3 водосбора Верхней Колымы надолго (местами – навсегда) утратили изначальную природную ценность. В районах пионерного освоения площадь «свежих» гарей (т.е. появившихся в 2000-2012 годах), по данным космической съёмки, составила около 10 тыс. км². В результате повторных пожаров примерно 10% лесной площади региона перешло в разряд безлесных. В 1990-2010-е годы на фоне социально-экономической напряжённости, развития сети зимников и транспортной доступности самых отдалённых мест во все сезоны широкий размах получило браконьерство. Деградировали водные экосистемы бассейна Колымы и ряда охотоморских рек. Свой разрушительный вклад внесла (и вносит) «трофейная» охота. На первый взгляд, весьма прибыльная разновидность «экологического туризма», она уничтожает наиболее глубокие эволюционно-генетические основы адаптации популяций промысловых животных, в первую очередь – колымского лося *Alces alces buturlini* и охотоморского снежного барана *Ovis nivicola alleni*. Ранее сплошной ареал этих видов перешёл ныне в диффузное состояние. На фоне планетарной деградации транзитных местообитаний перелётных птиц, уже в XXI веке некоторые некогда фоновые виды Северо-Востока России (например, большой песочник *Calidris tenuirostris*, дубровник *Ocyris aureolus*) перешли в категорию редких или глобально угрожаемых. Вместе с тем на северо-

* Талик – участок незамерзающей породы среди многолетней мерзлоты, распространяющийся вглубь от поверхности или от слоя сезонного промерзания.

восточной и западной окраинах региона сохраняются значительные пространства мало нарушенных ландшафтов.

Задача идентификации эталонных природоохранных территорий на всех уровнях, начиная с регионального, решается путём совмещения данных о распределении редких видов растений и животных, в первую очередь включённых в региональную Красную книгу (2008), с данными о размещении уникальных ландшафтов, удовлетворяющих стандартам международных конвенций и двусторонних соглашений, подписанных Россией (например, Рамсарские угодья, Ключевые орнитологические территории). В результате этой работы в Охотско-Колымском регионе, помимо существующих ООПТ, были идентифицированы территории и акватории, пока сохраняющие относительно высокую природоохранную ценность (см. рисунок).

Размещение участков, сохраняющих высокую природоохранную ценность в долине Колымы, Колымском нагорье и на Охотском побережье: 1 – Пьягинский полуостров; 2 – Тауйская губа; 3 – Окса; 4 – бухта Астрономическая; 5а,б – Ольское плато; 6а,б – озеро Джека Лондона; 7а,б – река Буянда и гора Эзоп; 8 – хребет Охандя; 9 – Килганские горы; 10 – хребет Ненкат; 11 – хребет Тэукич; 12 – урочище Замковое; 13 – долина Сугоя; 14 – долина Коркодона. Штрихованные контуры и тёмные кружки – существующие ООПТ. Мелкие кружки – памятники природы. Звёздочки – участки, требующие дополнительного изучения.

В дополнительной инвентаризации нуждаются долина и правобережные притоки Колымы, а также ряд прибрежных акваторий и территория Северо-Эвенского района, где ныне проходит фронт пионерного промышленного освоения, куда отступила южная граница ареала домашнего оленеводства и где независимая экологическая экспертиза затруднена из-за транспортной недоступности. Идентифицированные участки заслуживают начального резервирования на региональном уровне и дополнительного исследования в целях оценки их современного состояния и придания им более высокого природоохранного статуса.

Л и т е р а т у р а

Андреев А.В. 2013. *Эталоны природы Охотско-Колымского края*. Магадан: 1-322.
Красная книга Магаданской области. Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды растений и животных. 2008. Магадан: 1-429.

ISSN 1026-5627

Русский орнитологический журнал 2021, Том 30, Экспресс-выпуск 2116: 4421-4422

Социальная организация и репродуктивное поведение индийской камышевки *Acrocephalus agricola*

П.В.Квартальнов, И.М.Марова, В.В.Иваницкий

*Второе издание. Первая публикация в 2001**

В 1999-2000 годах при помощи индивидуального мечения изучали социальную организацию и репродуктивное поведение индийских камышевок *Acrocephalus agricola* в прибрежных зарослях тростника и тамарикса на Состинских озёрах в Южной Калмыкии.

Поселения этого вида, доминирующего по численности в многовидовом сообществе камышевок, отличаются высокой плотностью. Площадь рекламируемых территорий самцов на первых этапах формирования гнездового населения составляет 100-250 м² и по мере увеличения численности уменьшается до 20-50 м². Территориальные самцы нападают только на поющих птиц, не проявляя агрессии по отношению к кормящимся особям. В период распределения и рекламирования территорий самцы ведут себя очень заметно и часто держатся по вершинам кустов и тростниковых стеблей.

* Квартальнов П.В., Марова И.М., Иваницкий В.В. 2001. Социальная организация и репродуктивное поведение индийской камышевки // *Актуальные проблемы изучения и охраны птиц Восточной Европы и Северной Азии*. Казань: 294-295.

Индийские камышевка моногамны, отмечен случай полигинии. Место для гнезда выбирает самка. Как правило, оно находится на территории самца и служит ему основным центром пения. Первая самка полигамного самца построила гнездо на его территории, вторая – с противоположной стороны соседней территории. Самец пел возле первого гнезда, но насиживал кладку во втором гнезде – на расстоянии 18 м.

Значительную часть популяции индийских камышевок составляют холостые самцы; в некоторых локальных поселениях – до половины общей численности птиц. В одном из таких поселений было 12 территориальных пар и около 12 холостых самцов. Холостые самцы держались на общем участке поодаль от гнездящихся пар. Их песенные посты не были закреплены индивидуально, а использовались попеременно несколькими птицами. Поселение имело общий центр социальной активности. Это был куст тамарикса на территории одного гнездящегося самца, куда регулярно собирались самцы и самки с соседних территорий, а также холостые самцы. Птицы перемещались в кроне куста и молча летали друг за другом. Самцы регулярно посещали этот центр вплоть до окончания пения, что обычно совпадает с окончанием откладки яиц. Резкое сокращение вокальной активности произошло у всех членов данного поселения и затронуло как гнездящихся, так и холостых самцов.

Строят гнёзда только самки, самцы сопровождают их при сборе гнездового материала. Некоторые самцы участвуют в насиживании, но в целом их вклад невелик. В выкармливании птенцов участвуют оба партнёра, основную работу выполняют самки.

Работа выполнена при поддержке РФФИ (97-04-49559), фондов «Интеграция» и «Университеты России – фундаментальные исследования».

ISSN 1026-5627

Русский орнитологический журнал 2021, Том 30, Экспресс-выпуск 2116: 4422-4423

Хищные птицы и совы юго-восточного побережья Байдарацкой губы (Южный Ямал)

А.А.Соколов

*Второе издание. Первая публикация в 2001**

В 1989, 1998-2000 годах обследована территория среднего и нижнего течения реки Ерката, в устье её притока реки Паюта заложена контрольная площадка площадью 100 км². На исследуемой территории проведе-

* Соколов А.А. 2001. Хищные птицы юго-восточного побережья Байдарацкой губы (Южный Ямал) // *Актуальные проблемы изучения и охраны птиц Восточной Европы и Северной Азии*. Казань: 560.

на инвентаризация фауны хищных птиц и сов района. Вместе с этим велись наблюдения над динамикой численности тундровых видов грызунов. В 1999 году отмечен пик численности копытного лемминга *Dicrostonyx torquatus*. В 1999-2000 годах детально исследовалось питание зимняка. Фауна хищных птиц и сов исследуемого района насчитывает 8 видов. Ниже приводится краткая характеристика статуса пребывания каждого вида, а также данные по численности, плотности гнездования и успеху размножения некоторых видов.

Полевой лунь *Circus cyaneus*. Редкий нерегулярно гнездящийся вид. Вероятно гнездование только в год пика численности грызунов.

Зимняк *Buteo lagopus*. Вид, численность и успех размножения которого тесно связаны с обилием копытного лемминга. В разные годы на контрольной площадке плотность гнездования зимняка менялась от 1 до 16 пар/100 км², успешность размножения – от 42.8 до 83.5%.

Орлан-белохвост *Haliaeetus albicilla*. Малочисленный не гнездящийся вид. Одиночные особи, чаще всего молодые, отмечались во все годы исследований на протяжении всего летне-осеннего сезона.

Кречет *Falco rusticolus*. Редкий залётный вид. Одиночные взрослые птицы отмечались в 1998 и 2000 годах.

Сапсан *Falco peregrinus*. Гнездится регулярно, занимая все участки, пригодные для гнездования – крутые обрывы рек. Минимальное расстояние между соседними гнёздами составило 1.5 км.

Дербник *Falco columbarius*. Редкий залётный вид. Пролетающие одиночные дербники встречались на территории исследования в 1999 и 2000 годах в гнездовой период.

Белая сова *Nyctea scandiaca*. Вероятно, в годы депрессии леммингов на территориях, лежащих к северу, в изучаемом нами районе наблюдаются не размножающиеся особи.

Болотная сова *Asio flammeus*. Вид, гнездящийся в годы пика численности грызунов. В 1999 году найдено единственное гнездо болотной совы с 5 пуховыми птенцами, которое впоследствии разорил зимняк.

